

Рустам
Алптюрк

Свет Тени

Рустам Алптюрк

Свет Тени

الله

ПУТЬ К ИСТИНЕ ЛЕЖИТ
ЧЕРЕЗ СВЕТ ДУШИ

Рустам Алптюрк
Свет Тени

«Автор»

2026

Алптюрк Р.

Свет Тени / Р. Алптюрк — «Автор», 2026

«Свет Тени» – это философско-исторический и приключенческий роман с элементами лав-истории. В основу сюжета легла история о дервише из Средней Азии, покинувшем родной кров в поисках истины, и после долгих скитаний, лишений ставшим наставником азербайджанского правителя и османского султана. Это реальная история любви, нравственного перерождения и пути к Богу через личное самосовершенствование. Роман также затрагивает общегуманные ценности и жизненные вопросы, актуальные во все времена. Кроме того, в романе описывается история, культура, обычаи и традиции обширного тюркского мира.

© Алптюрк Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	52
-----------------------------------	----

Рустам Алптюрк

Свет Тени

Deicamos memoria aos meus parentes

*«Кто победил себя – победит и врага»
Древнетюркская мудрость*

*«Ты не капля в океане – ты целый океан в капле»
Мевляна Джалаладдин Руми*

ОТ АВТОРА

На первый взгляд выглядит абсурдно, когда человек, будучи всю сознательную жизнь далёким от суфизма, пишет книгу на близкую тему. Но, как известно, всё в жизни меняется, так же, как и вода точит камень. Рано или поздно некоторые из *homo* раскрывают в себе внутренний свет, пройдя через огонь, воду и медные трубы. У многих внутренняя трансформация начинает происходить после сорока (видать, не зря в культурах Востока «40» – сакральное число). У кого-то раньше или позже, а у некоторых, к сожалению, никогда.

Именно после этой возрастной точки, определяющей грань между молодостью и подготовкой к вступлению в Вечность, я решил затронуть данную тему. Далёкую, одновременно, близкую для каждого, кто стремится стать Человеком в подлинном смысле этого слова. Ибо стать Человеком дано не каждому...

«Свет Тени» – не имя, не приговор, а образ каждого из нас. Мы живём, радуемся, грустим, любим и переживаем, но знание о себе, подобно песку, сыплющемуся сквозь пальцы. Знание самого себя постижимо раскрытием внутреннего «Я».

Этот роман написан не ради морали, не ради нотации. А ради тех, кто, как и я когда-то задал себе простой вопрос: «Что, если Истина не там, где её учат искать? А ключ счастья заложен внутри нас». Это не философия, не история, не драма и не экшн. История о странствиях дервиша – повод для поиска самого себя. Истинное путешествие, надеюсь, начнётся, в нашем сознании. В каждом из нас заложен свет, имя которому Любовь. Остаётся лишь найти его.

Эта история не о тех, кто видит глазами, а о тех, кто пытается смотреть сердцем и говорить языком тишины. «Свет Тени» – это зеркало. Если каждый из нас увидит в нём себя – значит, книга написана не зря. Пусть слова её станут для нас светом, а тень послужит ключом для внутреннего прозрения.

История дервиша не только повествует о безграничных возможностях человека, но и также помогает раскрыть в себе позитивное начало, отдалиться от животной ипостаси, возвышаясь до невероятных высот. Она учит нас зажигать в себе огонь прекрасного. Стоит лишь стремиться к этому. Нашу энергию, как положительную, так и отрицательную создаём мы сами. Как говорил великий Руми:

«Зажги свой огонь. Ищи тех, кому нравится, как он горит».

Разумеется, было бы грехом не отметить благодарностью тех людей, кто помог мне в написании этой книги. В первую очередь родителей, которые не только дали мне жизнь, вырастили меня, но и послужили ориентиром, неугасающим светом, не позволившим затеряться в запутанном лабиринте жизни.

Роман написан доступным языком, рассчитан на широкий круг читателей. Возрастная категория +16. Удачи и приятного чтения, дорогие читатели!

«Путь наш – это путь сердца, а не тела»

Хаджи Вели Бекташи

ПРОЛОГ

Мудрость, что изменила Империю. Превратила развалившееся государство в мировую державу. Источник той мудрости – учёный дервиш.

Конец XIV столетия. Мир, недавно сбросивший с себя проклятие «чёрной смерти» вновь погрузился в пучину новых бед. В этот суровый век родился человек, чья жизнь превратилась в дорогу. Не в дорогу славы, не в стезю власти, а в путь очищения и поиска внутреннего света. Он был учёным, руководителем медресе, человеком, почитаемым в обществе. Он имел всё, что может дать жизнь. Всё, кроме покоя сердца.

Сомнение поселилось в нём не как слабость, а как зов. Он искал Истину. Не ту, что в книгах, а ту, что живёт между строк. Он искал Знание, что нельзя преподавать, и Любовь, что не просит ничего взамен.

Он ушёл. Оставил книги, оставил стены, оставил свой дом и своё имя. Шёл туда, где ветры говорили на забытых языках. Он шёл босыми ногами по раскалённым камням, сквозь пески и города, где свет был слепящим, а тьма – крошечной.

Он искал не Бога, ибо знал, что Он везде. Он искал себя в отражении вечного. Так из учёного родился дервиш. Из дервиша – мыслитель. И в конце пути он стал тем, кто увидел Истину не глазами, а сердцем.

Эта история не только о человеке. О мире, где молитва была дыханием, слово – клятвой, а любовь – подвигом. Эта история, где оживает бывшее величие тюркского духа, забытые обычаи и свет древней мудрости. Пусть эта книга станет не только чтением, но и дорогой к самому себе, дорогой читатель.

Книга первая

ЗАКАТ на ВОСТОКЕ

Он дарует мудрость кому пожелает, и тот, кому она дарована, награждён великим благом. Однако поминают назидание только обладающие разумом.

(сура аль-Бакара, 269-й аят)

Глава I

ВДОХНОВЕНИЕ

«Смирение – начало всех знаний и конец всех гордынь»

Бахауддин Накшбанди

Солнце, словно уставший старец, склоняясь к покою, неспешно опускалось за зубчатые вершины, оставляя на небе шлейф из золота и багрянца. Ветерок шептал песню, обвивая горы прохладой. Словно бусы на шее небесной невесты, звёзды одна за другой начинали мерцать в пурпурном покрывале небосвода. Воздух был пьян от аромата цветущих миндалей и влаги тающих снегов. А птицы, устав от дневных щебетаний, замирали в благоговении перед наступающей весной. Лютая зима ещё сопротивлялась, но была бессильна перед победоносным дыханием весны. В двери обитателей Ферганской долины громко стучался красавец Навруз.

Высокий, ладно сложенный юноша с тёмными волосами и большими карими глазами на продолговатом, безбородом лице с вытянутым подбородком, с высоты минарета задумчиво наблюдал за ежегодно повторяющимся чудом перерождения природы. Его отличали благородная осанка, тонкие черты лица и умный взгляд. А по покрою со вкусом подобранной одежды

можно было догадаться, что юноша принадлежит к ашрафам, к знатному и зажиточному сословию города Коканд – жемчужины Ферганской долины.

С детства этот укромный уголок был любимым местом юноши. Ему нравилось на закате подниматься на край остроконечного купола, оставаться тут в одиночестве наедине со своими мыслями. Созерцать великолепие природы, пока звонкий голос муэдзина не призовет правоверных к молитве. И молча гордиться собой.

Молодому человеку было чем гордиться. Кенан ибн Ахмед аль-Фергани, можно сказать, был баловнем судьбы. Единственный сын семьи, переживших всех братьев и сестер, умерших еще в младенчестве, он вырос в холе и роскоши, и с детства ни в чем не знал себе отказа. Родители дали единственному наследнику все, что могли, и избаловали его, при этом не лишив благоразумия.

Отец – Ахмед ибн Юнус Фергани, уважаемый ученый-богослов и кади (судья) Коканда, известный своим строгим и степенным нравом, происходил из знатного и старинного карлукского рода. Его предки, турки-карлуки, более четырех столетий тому назад переселившиеся сюда из Семиречья, были первыми, кто принес в этот благодатный край слово Аллаха и священное зеленое знамя ислама.

Мать Кенана – Фатима бинт-Саид была дочерью богатого купца Ферганской долины. Она принадлежала к почитаемому роду сеидов – потомков пророка. Тех, кто не склонял выи даже перед самыми могущественными повелителями.

Разумеется, сын таких родителей не мог не получить блестящего образования. А если к этому прибавить природный ум, отличную память и разносторонние таланты, то неудивительно, что Кенан был слишком умён для своих шестнадцати лет. Уже в десять лет он знал Коран наизусть, прекрасно умел играть в шахматы, в совершенстве овладел арабским и персидскими языками, безошибочно цитировал не только хадисы пророка, но и поэмы Фирдоуси, Омара Хайяма, Низами и Саади Ширази. Он также был знаком с трудами таких великих ученых, как Бируни, Ибн Сина, Фараби, Хорезми. В медресе, а также дома под руководством ныне покойного отца, прилежно изучил математику, астрономию, географию, логику, богословие и медицину. Учение давалось ему легко и приятно.

Военные науки юноша постиг так же успешно, как и школьные. Благо его рост, широкие плечи и выносливость позволили ему с ранней юности не только овладеть искусством меча и метко стрелять из лука, но и отлично драться врукопашную и укрощать диких коней. Как никак, в жилах Кенана текла кровь воинов, покоривших некогда огромные земли от Китайской стены до мажарских степей.

Успешно сдав экзамены, постигнув премудрости учёбы, Кенан недолго сидел сложа руки. Несмотря на юный возраст он стал учителем в родном медресе. И начал преподавать в одном ряду с теми, чьим учеником еще вчера был. Более того, ему уже пророчили место мударриса.

Не обделил Аллах юношу и приятной наружностью. Соседние девушки тайком засматривались на него. Однако сердце Кенана было наглухо заперто для любви. Заперто для всех, кроме одной единственной. Эту сердечную привязанность юноша тщательно скрывал ото всех на свете, даже от родной матери.

Красавица Алия была ровесницей Кенана, и жила в соседнем квартале. Алия выросла в бедности и лишениях, несмотря на то что была единственной дочерью покойного торговца благоволиями. После смерти родителей от «чёрной смерти» и гибели братьев во время набега кыргызских беков, девочка осталась сиротой. Её воспитал слепой муэдзин, кыпчак по происхождению. Хотя родители Алии были таджиками, но её отцом считался муэдзин, чей род находился во вражде с семьёй Кенана. Но всё это не могло охладить чувств юноши к луноликой красавице.

Не зря красоту юной таджички сравнивали с луной. Невысокая, со стройной как кипарис тоненькой фигурой, с белоснежной кожей, с алыми, полноватыми губами на круглом личике, с волосами цвета спелых орехов и нежными чертами, девушка пленяла всех, кому доводилось видеть её впервые. Лучезарную улыбку сравнивали с сиянием луны, завораживающий голос с песней соловья, а походку с газелью. Она благоухала ароматами цветов, сама походила на цветок из райского сада. Нрав, под стать внешности привлекали внимание юношей, слагавшими стихи в её честь. Но неприступная девушка отказывала кавалерам, глаза превращались в шипы всякий раз, когда при ней говорили о каком-нибудь благодетелем юноше. Крохотное сердце трепетало лишь при имени высокого, как кедр, сильного, как герой дастана «Рустам и Зохраб», юноши с орлиным взором. В её девичьих грёзах юноша тот был красив, как пророк Юсуф и наделён всевозможными добродетелями.

Однако не может Всемогуший Аллах наделить раба своего всеми благами мира. Если образованность, знатность и наружная красота юноши привлекали взоры, то характер, напротив, отличался вздорностью. Кенан был не только самонадеян, но и высокомерен. Да, он считал ниже своего достоинства лгать, льстить и завидовать, но не видел зазорным обидеть человека. У него часто случались ссоры с ровесниками. Он до сих пор не нашёл себе друзей, никому не мог раскрыть душу.

А душа юноши, его внутренний мир был пуст и смятен. Он чувствовал, что его жизнь не имеет смысла, несмотря на мирские блага и положение в обществе. Место учителя в медресе Коканда его не удовлетворяло. Тело переживало пору весны, но в сердце юноши всё ещё свирепствовала зима, как запоздавшая метель. А события прошлого года усилили порывы этой неутраченной метели.

Год назад Ферганская долина вошла в состав государства Эмира Тимура. И если Аллах лишил великого полководца из тюркского рода барлас ходить прямо на обе ноги, то взамен Он даровал ему мудрость и величие, что ценнее хромой ноги. Эта мудрость вырвала народ долины от хищных когтей монголов, над которыми он одержал блестящую победу в Андижане.

Теперь в мечетях Коканда, в пятничной хутбе произносили и превозносили имя Тимура те, кто ещё вчера кланялся перед свирепым монголом. А в монетном дворе города начали спешно чеканить деньги с именем нового, грозного владыки Востока. Впервые со времён Чингисхана долина вздохнула свободно.

После этих событий Кенан метил на место в медресе Самарканда. Однако столь почётный пост нужно было заслужить. Для этого он был слишком юн, неопытен, к тому же не обзавёлся семьёй, как благодетельные юноши из его круга. А жениться на той, которая с первого взгляда покорила его сердце, с которой он не успел перекинуться словом, было делом трудным даже для такого джигита, как он. Кто сосватает ему сироту из незнатной семьи? Да и согласится ли девушка поехать вместе с ним в Самарканд, оставив немощного опекуна в одиночестве? С такими мыслями он взирал на город, на который опускался багряный закат.

Коканд – жемчужина Ферганы, затерянная среди гор и плодородных равнин. Узкие улочки, вымощенные обожжённым кирпичом, петляли среди глинобитных домов с плоскими крышами. За высокими стенами домов прятались виноградники и сады, где журчали арыки, словно серебристые ручейки.

В центре города возвышался ханский дворец с лазурными мозаиками на стенах. Минареты мечетей с бирюзовыми куполами высились в небо. Азаны с их высоты перекликались с шумом базара. На базарной площади звучали выкрики торговцев, ароматы пряностей и благовоний смешивались с запахами кожи и горячего железа, который ковали искусные мастера, превращая кусок металла в произведение искусства. Здесь продавали всё, начиная от индий-

ских специй до китайских зеркал, от одежды из ферганского хлопка до азербайджанского шёлка.

Жизнь в Коканде текла, как арык – неспешно, но неуклонно. Утро начиналось с азана и свежесваренного чая с лепёшками нон, который выпекался в тандырах, разогретых до белизны. В каждом дворе был свой тандыр, а дым от них поднимался над городом. Люди с улыбками на широких лицах, с шутками и песней на устах достойно преодолевали невзгоды. Лишь один из его обитателей, новоиспечённый ходжа ходил с грустно опущенным взором.

У мудреца и лекаря Лукмана как-то спросили: «Какие раны излечиваются дольше всех?» На что Лукман ответил: «Сердечные». Рана Кенана так же не могла излечиться. После прошлогоднего праздника Навруз, который совпал с месяцем шаабан 772 года (март 1371 года)¹, новость об уходе Алии, поразила его в сердце, точно отравленная стрела.

После смерти старого муэдзина, родственники покойного продали девушку в гарем монгольского вельможи. Кенан успел познакомиться с Алией, признаться в любви, и скрепя сердце, сообщить о своём намерении матери. Но баловавшая сына мать на сей раз была столь непреклонна, что Кенану не оставалось иного выбора, как похитить свою возлюбленную. Видать, Провидец решил воспрепятствовать его намерению, раз родичи девушки успели его опередить.

Однако если юному кокандцу не повезло в сердечном деле, то в вопросе карьеры он не намерен был отступать. Непреклонная воля и упорство в достижении целей, доставшиеся ему в наследство от отца, проявили себя в полной мере. Кенан решил во что бы то ни стало добиться должности мударриса в главном медресе столицы, и переселиться в Самарканд. Для этого он не без помощи влиятельных друзей отца и родственников матери, успешно сдал экзамены по необходимым предметам, получил иджазатнамэ (письменное разрешение) от видных улемов (исламских учёных-правоведов) Ферганской долины. Приобщив их подписи, он отправил письмо самому Эмиру Тимуру.

Усилия целеустремлённого юноши не пропали даром. Не прошло и месяца, как под собственноручной печатью Мир Саида Барака, духовника Тимура, Фергани был назначен на освободившееся место мударриса в медресе Самарканда.

С течением времени Кенан всё реже вспоминал Алию, и раны души начали зарубцовываться на его жаждающем знаний и славы сердца. Отныне все его помыслы были связаны с предстоящей поездкой в Самарканд. Тем паче, что эта была первая дальняя поездка в его жизни. Ему не терпелось увидеть новые города, новые земли, и юношеское воображение рисовало перед ним радужное будущее. Он уже собрал вещи, попрощался с матерью, с родственниками, с многочисленными соседями и знакомыми. Оставалось сделать последние покупки.

Зимний рынок Коканда был полон фруктов, овощей и цветов. Его старинные деревянные ворота, скрипевшие на ржавых петлях, запирались затемно, когда небо вспыхивало мириадами ярких огоньков, а звёзды оставляли за собой серебряные хвосты, подобные крыльям сказочной птицы Хумо (Хумай) – одного из символов узбекского народа. Кенан медленно прохаживался вдоль ларьков с разнообразной одеждой, выбирая ту, что прочна и удобна для дальней дороги.

Внезапно дорогу ему загородил старик в лохмотьях, ударявший посохом всякий раз, когда делал шаг. Его необычный вид вызвал у юноши любопытство.

- Человек живёт и умирает во тьме, так и не познав света, не выйдя из тени.
- Простите, не понял вас, – удивился Кенан, держа в руках тюк с покупками.
- Люди покидают землю и возвращаются в неё, каждый раз заново проживая жизнь.
- Как это возможно? – спросил Кенан. Старик заинтриговал его.

¹ Все даты в романе указаны по хиджры, а в скобках по григорианскому календарю (*Примечание автора*).

– Сначала нас не было, потом мы появились. Настанет время, и нас снова не будет. Всё на свете движется по кругу. Каждый раз, приходя в этот бренный мир, мы повторяем одни и те же ошибки. Только вот в памяти ничего не остаётся...

Кенан нахмурился, задумчиво прижал тюк к груди.

– Если мы не помним прежних себя, в чём тогда смысл нашего возвращения?

В ответ старик усмехнулся, и покачал головой, теребя неказистую бороду:

– В этом и есть великая тайна. Душа ведает, хоть разум и спит, пребывая в тени.

– А можно ли вырваться из этого заколдованного круга? – спросил Фергани.

– Вырывается лишь тот, кто раскрывает эту тайну. Кто живёт не ради злата, а ради истины. Кто помнит, не имея памяти. Кто обладает ключом «Света Тени».

– Какой ещё ключ «Света Тени»? – поинтересовался юноша.

Старик замолчал. Лицо его на миг посуровело, а потом смягчилось. Кенан хотел было спросить, но прохожие заслонили старика. В мгновение ока он растворился в толпе. Лишь звук посоха, гулко отдающийся по булыжникам, ещё некоторое время гулом отдавался в ушах. Кенан остался стоять посреди базара с тюком на руках. Он впервые слышал подобное. Несмотря на свою образованность, он не знал ответа на этот вопрос. Дальше юноша шёл молча, размышляя над услышанным...

Скоро караван должен были подъехать к Самарканду. Многие Фергани знал об этом прославленном городе, наряду с благородной Бухарой являющейся душой Мавераннахра. Он знал о нём не только из книг и рассказов знакомых семьи. Весь мусульманский мир пишет на бумаге, именуемой самаркандской, и нет её лучше нигде, хоть пройди весь белый свет от Машрига до Магриба. Тайны изготовления бумаги были заимствованы у китайцев, пленённых в битве при Таласе.

Самарканд расположен на равнине и окружён земляными валом и глубокими рвами. За городом выстроено много домов, примыкающих к нему с разных сторон, как предместья. Город окружён цветущими садами и виноградниками.

Недавно Тимур начал восстановление разрушенной крепости, оборонительных стен старого Шахристана. Были построены [Куксарай](#) и [Бустон-сарай](#).

Большое внимание Тимур уделял благоустройству священных для мусульман мест. Он велел отреставрировать старый мавзолей [Шахи-Зинда](#) и соорудить новый – Гур Эмир. По его приказу были возведены мечети, бани, больницы, библиотеки, медресе и караван-сарай. Была расширена площадь Регистан.

Тимур ревностно заботился о процветании города, который мечтал видеть столицей мира. Ремесло здесь развивалось за счёт насильно пригнанных мастеров. Эмир постепенно превращал Самарканд в один из центров мировой торговли. В Самарканде продавались товары, привезённые из Китая, Индии, Дешт-Кыпчака, Египта, Шама (Сирии), Персии, Ширвана и других земель.

А какие в Самарканде выделяли ткани! Серебристый симчуж, парча, красная ткань – синизи, тончайшие шелка всех цветов и оттенков.

А ещё был славен Самарканд своими невольничьими рынками. Отовсюду сюда везли пленников, захваченных во время войн и набегов. Местные работоторговцы годами готовили их к нелёгкой судьбе. Юношей обучали военному делу, а девушек – пению и танцам. Немало юношей, доставляемых сюда в оковах, впоследствии становились отважными воинами, и, продвигаясь по лестнице карьеры, достигали важных постов в государстве, занимая посты эмиров и визирей.

А какие дела вершились на скрещении на купольном перекрёстке, именуемом Чорсу. Здесь находились конторы менял, евреев и индусов, ворочавших огромными золотыми и серебряными монетами из разных уголков мира.

Однако главная ценность прославленного города заключалась, конечно же, не в тканях, рабах или менялах. Славу Самарканда ковали великие учёные, мыслители и поэты, которые жили и творили здесь, находя вдохновение в многотысячелетнем духе великого города, слава которого облетела весь обитаемый мир.

В эпоху Саманидов здесь жил и творил величайший персидский поэт, автор «Шахнаме» – Фирдоуси. Также здесь проживали такие великие поэты, как Рудаки, Шахид Балхи, некоторое время жил учёный энциклопедических знаний Фараби. В древней Мараканде, некогда сумевшей восхитить и Искандера Зуль-кар-Кайни², и Чингисхана, существовали меджлисы учёных.

В городе процветали наука и культура. А чагатайский язык, предшественник узбекского языка, с течением времени превращался в литературный, постепенно вытесняя из обихода персидский. В ту эпоху Самарканд прославили такие имена, как Абдулкадир Мараги – в музыке; Абдулхай Багдади и Пир Ахмед Багишамоли – в живописи; Садеддин Тафтаззани – в философии; Низамеддин [Шами](#), Хафиз Абру – в истории и многие другие.

Глава II

МИРАЖ ПУСТЫНИ

«Не причиняй вреда, даже если тебе причинили вред.

Будь как источник воды в пустыне»

Хаджи Вели Бекташи

С того дня, как Кенан покинул Коканд, он накапливал новые знания о мире. Старался познать новое, жадно впитывал в себя знания людей из разных стран. Однако мнение о самом прекрасном явлении в мире у него не изменилось. Он был уверен, что нет на свете ничего прекраснее, чем вид оранжевого диска, на рассвете поднимающегося из-за вершин гор Ферганы. Кокандец скучал по родным краям, несмотря на загруженность дел.

Вечерами Кенан подолгу сидел в темноте под сводами айвана, неторопливыми глотками потягивая из фарфоровой пиалы дымящийся чай. Он вздыхал в ответ своим нерадостным мыслям. Ибо в огромном, незнакомом городе он был одинок. Никто не мог ему помочь ни делом, ни советом.

Верно, он достиг своей мечты. Теперь Кенан шагал по тропе жизни уверенно. Но с каждым шагом уверенность в себе и в своих силах испарялась, как роса в пустыне. Да, он был окружён любовью учеников, которым преподавал математику, астрономию и право; почётом среди учителей, ловящих каждый перл, вылетающий из его уст, словно жемчужину из морской глубины; уважением у власть имущих, которые часто удостаивали его приёмами; у имамов и улемов, приглашающим его на свои собрания и оказывающим ему особые знаки внимания. Однако известно, что в каждой светлой комнате есть свой тёмный уголок.

Всем своим юным существом Кенан ощущал, что почёт и уважение, сегодня оказываемые ему, завтра могут лопнуть, как мыльный пузырь, легко превратиться в насмешки и презрение. Многоликость человеческая, подобна змеиной чешуе, что каждый раз меняет цвет на солнце. Фергани прекрасно понимал, что весь авторитет его зиждется на высокой должности, которая даёт своему обладателю богатство и непрекращающееся чувство тоски и страха, одновременно. Оно подобно вину: чем больше пьёшь, тем больше хочется, но и тем дольше пьянеешь. Кроме того, ещё с детства, бывая в окружении отца, внимательный кокандец усвоил важное правило: лесть и зависть неизменно сопутствуют удаче. Чем выше поднимаешься, тем глубже зависть, которая рано или поздно перерастает в предательство.

² Так в средние века на Востоке именовали Александра Македонского (*Примечание автора*).

Чёрная зависть подобна яду кобры, держащей её за пазухой, готовясь выпустить в любую минуту. Разумеется, на новом месте, выделяющийся талантами Кенан не был лишён тайной зависти других учителей медресе.

Как-то раз Фергани пригласили на свадьбу дочери одного из именитых купцов, где собрались уважаемые люди города. Среди гостей были и ходжи его медресе. Им отвели лучшие места вокруг стола, покрытого шёлковыми скатертями. Торжество поражало роскошью и великолепием, достойным султанов.

Взоры гостей услаждали красивые танцовщицы с тонкими станами и лицами, покрытыми сетчатым яшмаком из конских волос. Они танцевали под музыку уда. Красиво вертясь, изгибаясь, изображали то полёт птицы, то движения ветра и волн. Слух гостей наслаждался пением юных певцов с соловьиными голосами, поющими про истории любви и подвиги богатырей. Помимо них, собравшихся на свадьбе развлекали сказочники – меддахи, фокусники, пехлеваны, канатоходцы и даже шут из числа свиты хакима (правителя) Самарканда.

Пиршество удалось на славу. Каких только разнообразных яств яркой, богатой узбекской кухни не было на столе! От свадебного плова и разных кебабов до мантов, димляма и долмы. Фергани насчитал около сотни разных блюд. Напитки поражали разнообразием. Вина на разный вкус, кумыс, айран, шербеты и водка из арбузных семечек. А фрукты, а овощи, а салаты, а сладости!

В течение застолья подавали душистый зелёный чай с целебными травами и ароматными цветами в сопровождении таких сладостей, как пахлава, сахар нават, парварда, нишолда и халва. Ввиду наступления весны подали и сумалак – халву из пророщенных зёрен пшеницы, которые обычно готовят к празднику Навруз.

Блюда подавались в золотых и серебряных посудах. Перед каждым гостем прислуживал отдельный гулям, наполняя пиалы. Перед каждым из них были поставлены два хлеба в форме лепёшки – патир-нон и батистовая салфетка с затейливыми узорами для вытирания рук. Сами столы благоухали розовой водой, которой их предварительно окропили, смешав с эссенцией амбры.

Кокандец, как правоверный мусульманин не притрагивался к вину. Кроме того, он, как мударрис, да ещё прибывший из далёкого Коканда обязан был соблюдать правила приличия, служить образцом для тех, кто его уважал. Однако некоторые ходжи решили отличиться от своего мударриса. В этом недостойном деянии особо выделялся некий Ходжа Харун, учитель музыки с похотливыми глазами.

Тщедушный человечек с низким ростом, но с огромным честолюбием, с первого дня возненавидел молодого мударриса, годящегося ему в сыновья. Эта ненависть, приправленная чёрной завистью, замаскированная дьявольской улыбкой, росла в нём изо дня в день и кипела, как вода в казане. А после того, как скромный мударрис застал нескромного учителя в ту минуту, когда тот пытался совратить ученицу, то его злоба выросла до высоты вершин. При этом этот лицемерный ханжа не забывал совершать намазы, причём громким голосом; не пропускал ни одной пятничной молитвы; строго соблюдал пост в месяц рамадан, правда, совмещая его с трапезами тайком; лил крокодильи слёзы, когда имам читал отрывки из Корана об адских муках грешников. Ясно, что такой оборотень на дух не выносил благородных людей.

С того дня Харун искал лишь повода, чтобы опорочить или хотя бы каким-то образом напакостить юноше. Такой случай представился ему после свадьбы, когда он, отвечая на обвинения своих товарищей в пьянстве и недостойном поведении, умудрился обвинить в этом Кенана. Заявил, что будто бы сам мударрис наливал ему вина. И добавил, что за учтивой маской благообразного кокандца на самом деле скрывается развратный шайтан, порочащий честь невинных девушек!

Разумеется, Фергани не мог оставить без ответа этот поклёп. Он сидел в своём когуше, когда к нему мелкими шажками, с кривой улыбкой на обезображенном гнилью лице подошёл

Ходжа Харун. Кенан, не подымая головы, начал говорить. Он еле сдерживал ярость, чтобы не избить его до смерти, не разукрасить синяками наглую рожу нечестивца.

– Харун-ака, мои слова для вас бессмысленны, мёд не уничтожит яда гадюки, равно как и доброе увещание не утихомирит страстей коварного негодяя, труса, привыкшего ударять в спину. Мне известно обо всех ваших интригах, которые вы совершаете у меня за спиной. Поэтому я вас предупреждаю: подобру-поздорову убирайтесь вон из медресе!

В ответ, почувшавший себя загнанным в угол, Харун неожиданно заявил такое, что вначале от изумления у Кенана чуть не отнялся язык:

– Мударрис-бек, вам ещё придётся много попотеть, прежде чем сможете меня выгнать из этого медресе. Я сообщу всем, какими вы тут неблагоприятными делами занимаетесь: распиваете вина, курите гашиш, играете в кости на деньги, совращаете девиц, а порой занимаетесь баче-бази. Если вы попытаетесь мне как-то помешать, то я вас так опорочу перед всем светом, что всё это покажется вам детской сказкой.

– И где вы найдёте «доказательства»? – спросил Кенан, с трудом овладев собой.

– Для того, кто хочет сжить со свету врага, доказательства найдутся всегда... Как говорится, ради достижения цели все средства хороши. Кроме того, вы вознеслись слишком высоко в непозволительно молодом возрасте, оставили в тени достойных людей. Пора спустить вас на землю, пока вы не разбили голову о скалы, – с ехидной ухмылкой добавил ходжа, суживая запавшие шакальи глаза.

– Пожалуй, вы правы, ака. Зачем топтать навозного жука, если он всего лишь смердит? Зачем разбивать сосуд с уксусом раньше времени? Ведь кислая жидкость рано или поздно разобьёт сосуд вдребезги. Так и вы скоро подавитесь собственным ядом. Да, мне можно обломать крылья, но я родился и буду соколом, а вы до конца своих дней будете ползать на брюхе – вот в чём разница между нами.

Не прошло и месяца после этого разговора, как Ходжа Харун был заключён в зиндан. Попал он туда по жалобе матери одной из девочек, к которой этот негодяй приставал. Ни деньги, ни связи, ни лесть не помогли сладострастному учителю. Предсказание Кенана сбылось. Однако это не облегчило положения кокандца. И теперь недруги следили за каждым шагом мударриса, чтобы при удобном случае опорочить его перед хакимом. Усилия недоброжелателей не пропали даром.

Всё началось с того, что правитель города поручил Фергани составить календарь на будущий год, с указанием точной даты весеннего равноденствия. Вооружившись последними данными науки о небесных светилах, тщательно изучив расположение звёзд, сверив их с таблицами великого Туси, а ещё больше вняв голосу гордыни, он составил календарь и преподнёс его хакиму. Кенан был уверен в точности своих расчётов. Оказывается, тот же календарь было поручено составить Мирза Юсуфу, астрологу. Но тот даже не составил календарь. Он просто выявил ошибку Кенана.

Самодовольный мударрис засмеялся над предположением старика, когда тот явился к нему, чтобы указать на его ошибку. Однако беспечность молодости затмила разум кокандца. Кенан продолжил упорствовать до самого дня весеннего равноденствия. Тот злосчастный день, когда ашрафы города во главе с правителем, вельможами, раздувшимися от спеси имамами и купцами, явились на площадь Регистан, чтобы понаблюдать за положением солнечного диска на небосводе, стал для Кенана днём позора и унижения. А для многочисленной свиты хакима он превратился в миг злорадного торжества. Особенно ликовали учителя медресе с искривившимися от ухмылок лицами. Это переполнило чашу терпения хакима, и он велел наказывать мударриса. О, как же это решение многим пришлось по душе!

Разумеется, возвышение чужака из далёкого Коканда, не радовало интриганов и мракобесов. Тем более, что Фергани не раз смело обличал лицемерие имамов и улемов, превратив-

ших религию в орудие наживы и оболванивания верующих. На него всё время доносили и клеветали все кому не лень.

Его понизили до простого ходжи с испытательным сроком. Если б не искренняя любовь к нему учеников, к которым он относился как к своим младшим братьям, и которым старался привить свет знаний, то его ожидала бы худшая участь.

Не прошло и недели после того злополучного происшествия, как Кенану вновь угрозило попасть в неприятную историю. Он спас малолетнюю глухонемую девочку от рук разъярённого жирного булочника, пытавшегося забить её до смерти. Наказать за то, что та попыталась выкрасть кусок хлеба для прикованной к постели матери. Словесная перепалка обернулась дракой, в ходе которой Кенан до смерти избил жадного булочника. Эта история дошла до ушей хакима, при этом обрастав несуществующими подробностями, где кокандца превратили чуть ли не в Шимра, убийцу имама Хусейна. Кенан понял, что оставаться дальше в Самарканде для него будет небезопасно. Девять лет жизни в этом городе подошли к концу.

В один миг Фергани лишился всего: достатка, положения, хуже всего, доброго имени. Он в тысячный раз проклинал себя за несдержанность, хотя и считал свой поступок справедливым. У него не было лица, чтобы поехать в Коканд и показаться на глаза матери. Теперь оставался один выход: примкнуть к каравану, идущему на запад, а там присоединиться к армии Тимура, готовящемуся покорить Иран.

Помощь единственно остававшегося преданным ученика, пришла вовремя. Семья этого ученика достала для него провизии и потрёпанный плащ дервиша.

На следующий день под видом странствующего дервиша Кенан присоединился к каравану, следующему до Герата. В караване из сотен верблюдов и коней можно было легко затеряться, не привлекая к себе внимания. Маршрут каравана пролегал через Бухару, Хорезм, пройдя Каракумы, достигал земель Хорасана.

Город без крепостных стен был похож на птицу без перьев, по краям арыков, как прежде, поскрипывали водоподъёмные колёса. Журчащие ручьи разбегались туда, где разросшиеся сады, изнемогали под тяжестью сладчайших плодов.

Бухара ещё не оправилась от последствий монгольского нашествия, несмотря на то что с той поры минуло полтора столетия. С горечью Кенан глядел на развалины мечетей, медресе и рынков. Однако жизнь здесь постепенно восстанавливалась, и город медленно, но, верно, приходил в себя. То, что стояло веками, будет стоять ещё много веков. Ибо убить можно всё, но только не светлую мысль!

Благородная Бухара оставила глубокий след в душе юного скитальца, гонимого злым ураганом несправедливой судьбы. Здесь ему довелось познакомиться с самим прославленным шейхом Бахаудином Накшбанди. А судьбоносному знакомству предшествовал неожиданный поворот судьбы. Она свела его с тем, кого кокандец меньше всего ожидал увидеть в этом «Куполе Ислама».

Вблизи места строительства будущего мавзолея Чешма-Аюб, взгляду Фергани встретился новый караван, прибывший из Самарканда. В нём выделялся верблюд, покрытый коврами. На спине верблюда качался паланкин, из которого выглянула девушка. Эта была никто иная, как Алия. словно невидимая рука подтолкнула опешившего от изумления Кенана к ногам кеджавэ. Он тихо вымолвил:

- Алия... Ты ли это? Или это мираж в пустынной дали?
- Миражи не говорят на человеческом языке. Я та самая, которую ты предал.
- Я не мог, вернее, не успел тогда. Да и семья была против. Ты же знаешь это...
- Да, знаю, – насмешливо ответила красавица, – Знаю, что ты был сыном матери. Ты дрожал перед ней, как осенний лист. Мне же нужен был лев.
- Я любил тебя. Обстоятельства оказались сильнее меня, – воскликнул Кенан.

– Любовь без мужества, что роза без шипов, – заявила девушка, ухмыляясь, – Красива, но умирает при порыве ветра. Ты лишь тень, прячущаяся от солнца.

– Я не мог забыть тебя все эти годы, Алия! – взволнованно произнёс кокандец.

– Знаешь, мударрис-бек, – сказала девушка с издёвкой в голосе, – Я перестала ждать и надеяться с того мгновенья, когда моих пылающих от стыда щёк впервые коснулись губы старого кяфира. Хотя он имел мужество взять то, что желал. Ты же ушёл под маминым подолом, когда я проплакала всю дорогу до Ташкента. Теперь меня отправляют в Дели, как подарок для индийского султана. По крайней мере, рядом со мной будет воинственный правитель, а не лживый и трусливый ходжа.

После этих слов Кенан задрожал, сжал кулаки, отвернулся и произнёс:

– Ты изменилась, Алия... Но от судьбы не уйдёшь. Значит, Аллаху не угодно было соединить нас, – сказав это он отвернулся, и торопливо зашагал прочь.

В ответ вначале послышался раскатистый смех, затем режущие хлеще острого кинжала слова, выкрикнутые вслед. Слова, запавшие в душу кокандца:

– Судьбу куют мужчины, а покоряются судьбе – удел женщин и трусов!

Последние слова Алии, подобно яду тарантула расстроили гордого дервиша до такой степени, что впервые в жизни он решил напиться до полного забытья. Кенан был столь уязвлён в своих лучших чувствах, что возжелал преступить закон ислама.

Благо караван должен был оставаться в Бухаре ещё неделю, поэтому Фергани решил дать волю своему горю. А чем не повод напиться? Сначала позор и бегство из столицы, затем оскорбление от той, которую он до сегодняшнего дня считал для себя близким человеком. Впереди же его ожидало туманное будущее.

Эти невесёлые мысли привели юношу в мейхане (таверну) на окраине города, хозяином которой был низкорослый тип с маслянистыми глазами. Он и напоил юношу, впервые пробуящего вкус ширазского вина.

Очнулся Кенан на заре полуголый, ограбленный до нитки у ограды какого-то дома напротив мечети Намазгох. В таком виде его подобрал худосочный дервиш из тариката накшбандийя, и помог ему привести себя в порядок. Дервиш даже дал ему немного монет и верхнюю одежду. Ещё он пообещал познакомить кокандца со своим шейхом. Кокандцу не оставалось ничего иного, как послушаться его доброго совета. Никогда ещё юноша не чувствовал себя таким несчастным.

К вечеру, когда показались глиняные ограды предместий Бухары, Кенан успел подружиться с тем дервишем, шагавшим возле осла, нагруженного котомками. Дервиш напевал песни, призывая удачу для отважных богатырей, отправляющихся на войну. Некоторые воины опускали в его кяшкуль лепёшки или медные монеты. Кенан, следуя за дервишем, оказался возле низких домиков. Дервиш, как и обещал, привёл его в ханаку, к шейху Бахауддину Накшбанди.

Внутри ханаки было много народу, просившего у дервишей исцеления от хвори и молитв, спасающих от бедствий. Здесь же мюриды тариката проходили ступени духовного самосовершенствования под началом своего шейха. Принятию в тарикат предшествовал определённый период, в течение которого послушник (салик), готовившийся посвятить себя в мюриды, должен был не только словом, но и делом доказать, что способен обуздать свой гнев, смирить гордыню, отрешиться от земных благ и целиком посвятить себя служению Аллаху. После этого шейх облачал его в хирка (плащ из шерсти), и выделял один из когушей для проживания.

Суфии называли себя факирами, то есть бедняками. Их одеяние представляло собой одежду из грубой шерсти, надеваемой на голое тело. Они проводили время в молитвах, в многочасовых радениях – зикрах, в длительных постах.

Суфийские тарикаты отличались друг от друга не только внутренним уставом, но и внешним видом своих мюридов. Дервиши из тариката накшбандийя носили на головах белые кону-

совидные колпаки. Они настолько почитали своего шейха, что даже переименовали тарикат в его честь.

Имя шейха Бахауддина было известно во всём исламском мире от Бенгалии до Феса, от Булгара до Йемена. До того, как дойти до высшей ступени кутб, он много лет учился у прославленных суфиев Востока. Бахауддин был сторонником простоты и непритязательности, отвергал обряды и показную набожность. Его принципами были: духовная чистота, отказ от роскоши и стяжательства, аскетизм и честный труд. Мудрец был убеждён в том, что суфий должен строго следовать сунне.

Бахауддин лично показывал пример скромности. Мировая слава не мешала ему быть простым и вежливым в общении. Он тепло принял Кенана. После обычных в таких случаях приветствий, шейх исподлобья взглянул на него и спросил:

– Каким ветром тебя занесло в нашу обитель, мударрис из Ферганы?

Кенан был поражён тем, что сам светоч суфийской мудрости узнал его, и на миг даже возгордился собой. Это не ускользнуло от взора старого мудреца.

– Если сравнить грехи с песками, гордыня – пригоршня песчинок, слабоволие – бархан. Корень бедствий заключён в нём, а лекарство от него в поиске самого себя.

Услышав это, до сих пор изумлённо молчавший Кенан неожиданно вспомнил о странном старике, повстречавшемся ему на кокандском базаре, о его последних словах. Склонив голову, он почтительно спросил у шейха:

– Как мы можем искать истину, если не помним самих себя в прошлом?

– А зачем тебе истина, мударрис-бек? – спросил шейх.

– Я намерен постичь тайну мира, но прежде постичь самого себя, свою суть.

– Наш мир – мираж, чьи тайны беспредельны для тех, кто постигает его душой.

– Хотите сказать, устад, что всё видимое – мираж в глазах творений Аллаха?

– Миражом является всё, что нас окружает. Действительность мы создаём лишь в нашем разуме, а источник этой действительности – Творец.

– Тогда наши грехи тоже можно считать миражом, равно как и добродетели?

– Добродетели помогают преодолевать искушения, ведущие к греху. Как, грех гордыни, которым подвержены некоторые юноши из знатных семейств, – при этих словах шейх мимо-лётно взглянул на съёжившегося от стыда кокандца, – и который излечивается смирением. Это и разграничивает мираж с реальностью.

– Однако Аллах выделил нас среди своих творений, чтобы мы глубже постигли бы Его истинную суть. Иначе, зачем все пророки вышли из людей?

– Верно, дети Адама лучшие, но в то же время неблагодарные создания Аллаха.

– Согласитесь, что в неблагодарности заключена мудрость Провидца. Именно посредством постижения собственной сути мы побеждаем в себе пороки, одним из которых является неблагодарность. Что, если «Свет Тени» содержит в себе тайну преодоления собственных пороков, ведущих род людской к гибели? – Кенан решил повернуть беседу в выгодное для себя русло.

– Первый путь к преодолению собственных слабостей, прежде всего, наша воля.

– А чем иным является воля, если не бесценным даром Аллаха? – не унимался кокандец, решивший во что бы то ни стало выведать тайну «Света Тени».

– Бесценный дар теряет цену в недостойной душе. Ты так и не ответил на вопрос.

– Какой вопрос вы имеете ввиду, достопочтенный устад?

– Что тебя на самом деле привело ко мне, мударрис-бек?

В ответ Кенан рассказал историю со странником в кокандском базаре, а также пересказал о своих злоключениях в Самарканде. После его рассказа шейх закрыл глаза, и долго молчал, находясь в состоянии ваджда.

– Послушай, юноша, – внезапно оживился старый шейх, – Твоя жизнь до этой минуты была лишь миражом... Отрадно, что ты не по годам умён и решителен. А если твои намерения чисты, ты действительно желаешь узнать ключ к тайне «Света Тени», то он находится очень далеко отсюда.

– Где?! – от волнения зрачки Кенана расширились, дыхание стало прерывистым.

– Там, где земля дышит огнём, а ласковое море обнимает неприступные горы. Там, где человек разрушает и созидает, одновременно; где родилось поклонение огню; откуда слова Мани и Зардушта распространились по всему свету. Там, куда причалил ковчег Нуха после всемирного потопа. Там, где зло и добро, невежество и мудрость всегда ходят рядышком. Это древний храм огней – Азербайджан. В этой прекрасной стране, в Ардебиле проживает достопрочтенный шейх Садрадин Муса. Может, он и не обладает ключом к тайне, которую ты ищешь, но, по крайней мере, он сможет дать тебе подсказку. Главное, верно её понять...

– Не знаю даже как вас благодарить, устал! – взволнованно воскликнул Кенан.

– Благодарить нужно всемогущего Создателя, указывающему тебе верный путь.

– Как мне пойти к святому шейху без рекомендательного письма?

– В твоём случае важен не предмет поиска, а его способ. Коли найдёшь этот способ, это и станет твоей рекомендацией, – многозначительно ответил мудрец.

– А где и как найти этот способ? – Кенан начал терять терпение.

В ответ шейх поднялся и пристально взглянул на Фергани, дав понять, что визит окончен. Кокандец был разочарован, но постарался не показывать этого на лице.

– Ноги ведут туда, куда хочет идти сам человек, – сказал шейх на прощание.

По широкой дороге, ведущей на запад от реки Джейхун, где в течение многих столетий проходили богатые караваны, после походов ханов Золотой Орды всякое движение прекратилось. Опустились придорожные лавки и постоялые дворы. Они стояли унылые, без окон и дверей, выломанных для разведения костров. Завяли неорошаемые больше сады, ибо некому было чистить арыки и проводить воду. Некогда цветущая земля Хорезма превратилась в пустыню по милости чужеземных поработителей и их приспешников, местных манкуртов.

На следующий день перед глазами каравана выросли развалины, причудливые груды обломков, старые стены с проломами и величественные арки. На них всё ещё сохранились надписи. Много души было вложено в них талантливыми зодчими, воздвигнувшими эти красивые строения. Монголы всё это обратили в прах.

Под обвалившимися посреди груды камней зацокали копыта коня кокандца. Конь, осторожно ступая, пробирался между обломками безмолвного города, ныне превратившегося в «город-призрак». Он дошёл до площади, некогда окружённой величественными зданиями бывшее место шумных сборищ. Теперь площадь была засыпана мусором, кое-где белели скелеты лошадей. Это были развалины Ургенча – некогда прославленной столицы Хорезмшахов.

Наконец, Кенан доехал до пустыни, по которой ему предстояло пройти. Она казалась величественной и грозной, одновременно. Изредка попадались колючие саксаулы и змеи. На привалах путники довольствовались вяленным мясом и чаем.

Спустя неделю караван миновал самый опасный переход в сердце пустыни. По правую сторону последней остановки, заслоняя клонящийся к закату солнечный диск, тянулась цепь базальтовых скал. Впереди зияли хребты Копетдага.

Вскоре узкая тропа среди барханов обратилась в широкую дорогу и поднялась на каменистую возвышенность. Оттуда открывался вид на цветущую равнину, всю покрытую садами и квадратами полей. Всюду между деревьями были видны дома с плоскими крышами и бекские усадьбы с башенками по углам. Кое-где высились минареты и возле них переливались разноцветными изразцами купола мечетей. Как зеркала сверкали квадраты пашен, залитых водой, по которым ходили дехкане с кетменями. Эта была земля Хорасана – восточные ворота Персии.

Восседая на добротном туркменском скакуне, приложив руку козырьком к лбу, Фергани рассматривал протоптанную караванами дорогу, змейкой петлявшую на юг. Он поставил себе целью добраться до Ардебиля. Однако для этого необходимо было пересечь весь Иран с востока на запад. Страну, где нынче царили нищета и разброд. Путь туда был далёким, который мало кто преодолевал до конца. Лучшим способом добраться до Азербайджана, было прикнуть к армии Тимура. Поэтому кокандец решил добраться до Герата, которую Эмир Тимур готовился осаждать. «Джигита прокормит дорога» – вспомнил Кенан заповедь предков.

Глава III

ВСТРЕЧА

«Гора с горой не сходится, а человек с человеком сойдётся»

Азербайджанская народная пословица

Герат – жемчужина Хорасана, гордо возвышался над бескрайними равнинами, словно сказочный дворец из «Тысячи и одной ночи». За стенами, выложенными из обожжённого кирпича и украшенными мозаикой бирюзового цвета, скрывался город неувядаемой красоты. Узкие, извилистые улочки утопали в тени чинар, среди которых весело журчали арыки, приносящие прохладу из горных ручьёв. Повсюду витал аромат шафрана, свежего хлеба и сладостей. Купцы со всех концов Востока торговали разными товарами и редкими книгами, переплетёнными в пергамент. Здесь можно было встретить рукописи, сохранившиеся со времён Ахеменидов.

Величественные мечети с высокими минаретами, со сверкающими куполами пронизывали небо, будто молитвы, обращённые к Аллаху. Над всем возвышалась цитадель, откуда открывался вид на золотистые поля и синие дали. Украшением города была Джума мечеть, построенная за сто лет до нашествия орд Чингисхана.

Больше всего Герат славился своими мастерами: художниками, каллиграфами, переписчиками, миниатюристами. Их кисти и перья создавали миры, полные света и красоты. Герат был не просто городом — он был дыханием культуры, оазисом разума и светлой мечты посреди беспокойной суеты окружающего мира.

Кенан первым делом направился в медресе, расположенном в центре города. Здесь он надеялся повстречать учёных, с помощью которых смог бы расширить свет знаний. Кроме того, учёные могли бы собственноручно начертать для него письмо шейху из Ардебиля. Тому, кто держал в своих руках ключ тайны «Света Тени».

Однако в медресе, давшем миру таких светочей наук, как Хафиз Аbru, Джами и Алишера Навои, кокандец столкнулся с холодным приёмом. Он был разочарован, и уже готовился покинуть здание, как его окликнул голос.

– Всякая потеря есть приобретение, а всякое приобретение – потеря, – произнёс голос цитату Руми на персидском языке. Голос звучал ясно и проникновенно.

Кенан невольно обернулся, но не увидел никого рядом. А голос продолжил:

– Пристало ли степному орлу искать корм среди скорпионов?

– Откуда вам известно, чего я ищу? – недоверчиво спросил кокандец.

– Все мы чего-то ищем в этом временном мире. Вечные поиски – участь детей Адама, но не все находят то, чего ищут. Главное, не все понимают, что ищут.

– Наверное, я тоже обречён на вечные поиски, – задумчиво вздохнул Кенан.

– Поиск связан со временем и желанием, желание зависит от здоровья, а само здоровье от хорошей трапезы. Так что, юноша, вначале укрепи тело едой. Голод – плохой советчик. Тем более, в твои годы.

– Может вы и правы, но почему не хотите показать своё лицо, почтенный?

– Возможно потому, что ты не испытываешь большого удовольствия, увидев его, – при этих словах прямо перед глазами Кенана словно ниоткуда, как джинн появился маленького роста старичок с окладистой бородой и волосами, ниспадавшими на плечи. Несмотря на седую шевелюру и морщинистое лицо, незнакомца с трудом можно было назвать стариком. Ясный взгляд живых чёрных глаз, стройная осанка и бодрая походка молодили его лет на двадцать. Незнакомец был одет как нищий дервиш, и в руке держал посох.

– Если у вас нет дурных намерений, зачем прятать своё лицо? – улыбнулся Кенан и добавил, – Что касается голода, то я тоже не прочь отобедать.

Спустя полчаса Кенан вместе с незнакомцем неопределённого возраста обедал в ашхане (харчевня) на окраине города. Здесь они отведали горячей шурпы с мясом и лагман, запивая еду айраном и чаем с миндалём. Гости, отведав от каждого блюда, сказав учтивые слова благодарности дородному хозяину-узбеку в промасленном переднике, направились в сторону караван-сарая, где Кенан остановился на ночлег. По дороге Фергани был разговорчив, и пытался выяснить личность незнакомца.

– Теперь, когда мы с вами насытили тело, пришло время насытить душу.

– Каждый по-своему насыщает свою душу, – изрёк в ответ тот.

– Может, вы не представляетесь от того, чтобы окружающие не знали того, как вы насыщаете свой душевный голод? – продолжал допытываться Кенан.

– Не думаю, что моё имя и происхождение тебе что-нибудь дадут.

– Простите за откровенность, аксакал. Но я привык разговаривать с теми, кого знаю лично или хотя бы обладаю некоторыми сведениями о собеседнике.

– Это лишь подтверждает то, что ты – юноша благородного происхождения и некогда находился на вершине почёта и славы, несмотря на возраст. И то, что ты до сих пор не вкусил горечь бедности и тяжесть невзгод. – при этих словах незнакомец лукаво улыбнулся, оглядел кокандца с головы до пят, и спросил, – Кто ты сам, каким именем нарекли тебя почтенные родители, как переменчивый ветер судьбы подул тебя в эти края, в самую гущу будущей войны?

В ответ Кенан кратко рассказал о себе, опустив подробности из самаркандского периода жизни. Затем он учтиво задал тот же самый вопрос незнакомцу. В это время они подошли к воротам караван-сарая, во дворе которого сновали люди и животные с поклажами. Слышалась речь на тюркском и персидском языках. Постояльцы и торговцы спешили, толкались и кричали в облаке пыли, выбиваемой из-под копыт животных. Кенан с незнакомцем последовали до когуша кокандца.

– Я расскажу о себе, если ты так горишь желанием узнать меня. Однако заранее предупреждаю, что ты будешь не в восторге от знакомства со мной. Я тот, кого правоверные презирают, считают ниже своего достоинства даже здороваться со мной; я тот, кто изгнан не только из своей страны, рода, но и даже из собственной семьи; я тот, кто обречён до конца жизни быть изгоем, но при этом продолжаю быть полезным всем, кто меня ненавидит; я тот, кто убит не вкусив ещё смерти; тот, кого никогда не похоронят на мусульманском кладбище; тот, кто не оставит следа на земле грешной, разве что, кроме книг. Я Зия из Термеза – табиб, хирург и дервиш, не относящийся ни к какому тарикату. Я человек без религии, без семьи, без достатка, живущий жаждой знаний и поиском самого себя. Я не мусульманин, а лишь колючка правды, гонимая ветром злой судьбы.

– Как вы оказались здесь? – спросил побледневший Кенан. Сказать, что он был поражён, значит ничего не сказать. Тем не менее, он постарался сохранять на лице невозмутимость. Уж больно этот старик был ему любопытен.

– Я родился в купеческой семье, в Термезе. Мои предки были тюрками из рода канглы. До наступления юности я не знал горя. Проучившись в медресе по совету покойного отца, начал заниматься торговлей шёлком. Вскоре разбогател, обзавёлся семьёй, соединив свои узы с девушкой из благородной семьи. Но жизнь казалась мне тусклой и унылой, как догорающая

свеча. В двадцать лет я навсегда ушёл из дома, и начал бродить по подносу Вселенной. За эти четыре десятка лет я прожил у индуистов, у буддистов, у христиан и у огнепоклонников; изучил их вероучения, и в конце отрёкся от всех религий. Единственное чему научился, так это секретам медицины. Я исколесил долгий путь. Но ветер неожиданностей и гроза испытаний бросали меня в разные стороны. Я ходил под палящим солнцем Индии, по степям Туркестана, по заболоченным лесам русских земель, по пустыням Арабистана, по труднопроходимым вершинам Тибета, плавал по рекам и морям Востока и Запада, прошёл хадж в Мекке и достиг Китайской стены. Обойдя полмира пешком, дошёл до Хорасана, где назревают великие события, могущие повернуть Историю.

– Вы имеете ввиду поход Тимура в Иран? – спросил ошарашенный Кенан.

– Не только. Верно, Герат – ворота в Персию, а сам Иран лишь первая стоянка на пути грандиозных завоеваний нового покорителя Востока.

– На всё воля Аллаха. Если не секрет, почему вы сменили столько религий? Что такого вы находили в иных верованиях, чего нет в нашем исламе?

– Я ждал этого вопроса, – снисходительно улыбнулся Зия, – Могу сказать лишь то, что все знакомые мне религии объединяет происхождение. Все верования, в том числе и ислам, созданы людьми и для людей. Для тех, кто стремится править и телами, и душами. Религия – лучший инструмент власти, придуманный человеком.

– Однако не станете же вы отрицать, что не существует Аллаха, Господа миров?

– Разумеется, нет. Было бы глупым утверждать, что Вселенная не управляется высшей, сверхъестественной силой, не подвластной человеческому разуму. Но эта сила проявляет себя не через храмы, мечети, церкви и их прислужников, а находит своё отражение в природе, в её гармоничном устройстве. Так, например, из семени вырастает дерево, из дерева листья, из листьев плоды, семена тех плодов вновь возвращаются на землю и снова дают всходы. Происходит круговорот. И всем этим процессом руководит невидимая энергия, направляемая из космоса Всевышним, которого мусульмане именуют Аллахом. Или объясню так: любой предмет, любая материя состоит из мельчайших, невидимых глазу частиц, которые находятся в постоянном движении. А движение управляется Высшим Разумом посредством Его неиссякаемой энергии. Поэтому можно предположить, что материя вечна, она не уничтожаема, а лишь меняет свои формы. Процесс перерождения происходит с помощью мельчайших частиц. Об этом рассуждали ещё в глубокой древности индийские мыслители, а после них Аристотель, Фараби и многие другие. Одним словом, то, перед чем преклоняется человечество, на самом деле ни что иное, как вечная энергия. А люди придумали массу нелепостей, превратили искреннюю веру в свод предрассудков, глупых запретов и закостеневших правил.

– По вашему мнению, человек тоже создан из этой «вечной энергии»?

– В Библии написано, что Господь создал человека по своему образу и подобию. Осмелюсь утверждать, что в этих словах кроется истина. Он заложил в него разум, кроющийся в душе. Кроме того, как хирург, прооперировавший сотни людей, могу с уверенностью заявить, что наше тело и организм совершенны, каждый наш орган выполняет определённую функцию в идеальной гармонии с другими органами. И более того, уверен, что когда-нибудь в будущем люди создадут механизмы, которые значительно облегчат им жизнь именно на основе устройства человеческих органов. Пока, к сожалению, дети Адама ещё недостаточно изучили свой организм, поэтому не могут излечивать многие болезни; не постигли тайны своего телесного «Я». По этой причине не могут ответить на многие вопросы мироздания, доверяя алчным спекулянтам религией. Человек является уменьшённой копией Вселенной. Если сын Адама раскроет тайну собственного «Я», он не только обретёт бессмертие, но и положит конец власти мракобесия. Этого-то и больше всего боятся власть имущие.

– Тогда как осуществляется связь между душой и телом человека? – Кенан, видя, что их разговор заходит в опасное русло, решил сменить тему.

– Тело человека – вместилище его души. А душа – это вечная субстанция, поток мыслей, направляемых его волей. В свою очередь воля человека – это дар Творца, своеобразные гири весов, с помощью которого Он даёт нам свободу выбора между грехом и добродетелью. Связь между душой и волей неразрывна, именно эту связь мы называем разумом. Душа и тело человека постоянно взаимодействуют между собой. Органы человека служат для питания этой связи вечной энергией. Иными словами, для поддержания здоровья в теле. Отсюда и происходит выражение: «в здоровом теле – здоровый дух». В то время, как все религии, которые несомненно являются продуктом человеческой деятельности, не раскрывают эту связь. На это способна лишь наука, освобождённая от влияния религиозных догм.

– Но религия необходима, как связующее звено между Аллахом и его рабами. Ведь именно благодаря религии, её пророкам и священным книгам мы постигаем суть учения Бога, мудрость Его законов и стараемся жить праведной жизнью, чтобы заслужить Его милость на том свете и избежать наказания в Судный день.

– Может ты и прав, юноша, – примирительно заявил Зия, – Однако каждый из нас редко задаёт себе простой вопрос: «В чём смысл моего бытия?» И этот вопрос в свою очередь рождает массу новых вопросов, от которых рождаются другие и так далее до бесконечности. Например, индуисты твердят о сансаре, переселении душ, и этим оправдывают деление людей на касты. Это такое позорное различие, когда тень бедняка из низшего сословия не может соприкоснуться даже с тенью высшей касты. А буддизм низвёл жизнь человека до вечных страданий в этом мире в обмен на блаженство в загробном царстве. Да, самопознание поощряется в буддийском учении. Однако оно направлено не на самосовершенствование, а лишь на пассивное созерцание, на отказ от борьбы за лучшую участь. Ведь человек – это лучшее и совершенное творение Создателя, и разумеется, достоин лучшего.

– Всё сказанное вами в порядке вещей для многобожников. Наша религия тем и отличается, что её учение более разумно, логично и отвечает природе человека. Именно ислам, как самая последняя и лучшая из религий помогает человеку более полно раскрыть свою суть, даёт свободу выбора между злом и добром.

– Никакая религия на свете не даёт ответа на эти вопросы, не помогает человеку найти самого себя. Разумеется, речь идёт о мыслящих людях. Более того, она просто не способна на это, так как ограничивает мыслительную работу вечными угрозами божественных кар. Религии созданы людьми самовольно от имени Создателя, они не могут быть лучше того, что может создать сам Творец. Иначе в них не было бы столько противоречий и нелепостей. Кроме того, важно отличать религию от веры. Первая создана меньшинством для угнетения большинства, для подавления воли к сопротивлению. А вера – это связь между человеком и Творцом, главным мерилom которого служит совесть. Именно её наличие делает человека Человеком.

– В исламе нет и не может быть противоречий, – заявил Кенан.

– А вечный спор по вопросу свободы воли человека? А бессмысленный запрет на изображение живых существ? А смысл побивания шайтана камнями в Мекке разве не противоречит истинному духу Таухида – единобожия? Таких примеров множество, и не только в исламе, – уверенно ответил Зия Термези, и продолжил, – Каждая религия создана, исходя из потребностей и условий жизни того или иного народа. Религии исходят из практических соображений, облечённых в одеяние святости. Их правила сообразуются с климатом и традициями, присущим тому или иному племени. К примеру, евреи и арабы запретили есть свинину, потому что мясо свиньи есть вредно в условиях жаркого климата пустынь. Ислам и иудаизм неприимимы к язычеству. Но от язычества оставили культ жертвоприношения животных, обход вокруг Каабы. Зороастрийцы поклоняются огню потому, что их родина, земля Азербайджана насыщена подземными газами, выходящими наружу в виде неугасаемых огней. Неслучайно, что название самой страны в переводе с пехлевийского языка означает «Страна огней». Индуисты не хоронят умерших, а сжигают их на костре. Из-за крайней перенаселённости Индии,

там не хватает мест для кладбищ. А турки, приняв ислам, не отказались от ряда шаманских обычаев. Нельзя привить человеку то, что противоречит его природе.

– Если религии, как вы утверждаете, не дают ответа на вопрос о смысле бытия, то, где и как нужно искать этот ответ? – спросил Кенан, косясь на вольнодумца.

– Ответы на эти вопросы нельзя найти ни в одной книге, если перечитать все, написанные до сих пор. На них не ответит ни один мудрец на свете, так как ответы кроются в нас самих, в нашем жизненном опыте и уровне знаний. А у каждого из нас он разный. Достичь его можно лишь пройдя множество испытаний.

В ответ Кенан решил затронуть вопрос, мучивший его долгое время. Он решил разузнать у вольнодумного табиба о тайне «Света Тени». Но на сей раз ему этого сделать не удалось. Гонец, прибывший в караван-сарай, найдя здесь Термези, велел тому срочно явиться в ставку Тимура, где потребовался лекарь. Кенану пришлось распрощаться с интересным собеседником. На прощание табиб произнёс:

– Как видишь, наука никогда не бесполезна для своего обладателя. Тем паче, наука исцеления людей. Порой случается так, что даже могущественные ханы нуждаются в помощи от презираемых изгоев – вот в чём сила науки. Никогда ею не пренебрегай, будь умерен во всём, но жаден в знаниях, – улыбнулся Зия.

Кенан решил последовать за табибом до ставки Эмира, чтобы простым воином влиться в ряды победоносной армии Тимура. Вместе с войском он надеялся достичь Азербайджана, встретиться там с ардебильскими шейхами, чтобы от них выведать тайну «Света Тени». Однако судьбе было угодно задержать его в Герате.

Фергани не пустили в ставку добровольцем. Воину требовалось обладать своим оружием. А у кокандца не было ничего, кроме старого отцовского кинжала и коня, успевшего захромать на щебнистых развалинах Мерва. Поэтому Кенану пришлось продать коня за приемлемую цену, и купить на эти деньги приличное для пешего воина оружие – саблю, щит, копьё, лук, колчан со стрелами, лёгкую кольчугу, шлем. Не подобает сыну уважаемых родителей явиться в лагерь джахангира оборванцем. В полном облачении он готовился пойти в лагерь, раскинутый перед крепостными стенами, как захлопнулись городские ворота. Герат готовился к осаде.

За те пять дней, пока армия Тимура осаждала стены города, Кенан вынужденно подчинился приказу правителя, заняв место лучника в одной из бойниц крепости. Он провёл эти дни без сна и отдыха, ибо ряды защитников Герата редели с каждым часом, а заменять их было нечем. За это время непривычный к военным баталиям кокандец ослаб настолько, что был сбит стрелой из лука. Стрела пробила кольчугу, вонзившись в плечо, из которой хлынула кровь, в мгновение ока окрасив кольчугу в алый цвет. Он зашатался и упал с высоты бойницы.

Очнулся Кенан в шатре туркмен в лагере Тимура. Шатёр принадлежал беку из племени кынык, из которого вышел славный род Сельджуков. Сын того бека когда-то был одним из любимых учеников Фергани в Самарканде. Потому Араз бек узнал упавшего к ногам его коня бывшего мударриса, и сделал всё, чтобы его вылечить. По счастливому стечению обстоятельств лекарем кокандца стал Зия Термези.

Наутро дня Ашуры, 11 мухаррама 783 г. (14 апреля 1381 г.) армия Тимура вошла в Герат. Звуки барабанов и карнаев воинов армии Тимура, стройными рядами въезжающими в город, перемешались с криками странной процессии, шедшей по улицам, невзирая на военное положение. Эта была процессия Ашура, посвящённая мученической гибели второго имама шиитов – Хусейна, внука пророка, погибшего в Кербеле от руки убийц проклятого Йезида. Мужчины и стар и млад, одетые во всё чёрное, истошно кричали, плакали, громко проклинали убийц имама, истязали себя, царапали лицо, били цепями по голове до изнеможения. Казалось, что этих людей не интересует ничего вокруг, они пребывают в своём царстве грусти. Многие из них и вправду были в состоянии наркотического оцепенения.

Тем временем, Фергани восстанавливал силы. Лечение табиба давало плоды, но кокандцу пока нельзя было вставать. Большую часть вынужденного досуга, таким образом, он проводил с Термези. Однажды, когда они остались наедине, кокандец, воспользовавшись случаем, спросил у него про «Свет Тени».

– Чтобы пройти к горе иногда нужно преодолеть пустыни, солончаки и болота, – задумчиво произнёс табиб, – Скажу откровенно: мне самому эта тайна неведома, но я кое-что слышал о ней... Могу сказать лишь то, что «Свет Тени» нужно искать в стороне заходящего солнца, у шейхов тариката Сефевийе. Несмотря на небольшие владения, эти шейхи богаты настолько, что держат в цепких руках тайные пружины влияния. Насколько мне известно, в их руках находится ключ к тайне «Света Тени». Для того, чтобы её заполучить ты должен пройти через множество испытаний, познать вкус порока, шагнуть через препятствия и найти самого себя.

– Но что эта за тайна?! – начал терять терпение Фергани, – Эта какая-то книга с загадочными письменами, тайный клад с несметными сокровищами или эликсир вечной молодости? Что же скрывается под этим двусмысленным названием?!

– Если бы я знал об этом, то мы с тобой тут не разговаривали бы. Я даже не знаю, осязаемо ли то, чего ты ищешь. Знаю лишь то, что «Свет Тени» – тайна, в которую до сих пор не посвящён ни один смертный.

Спустя неделю Кенан окреп настолько, что уже мог вставать на ноги. Благодаря мудрым наставлениям Зия Термези и ходатайству Араз бека Кенану удалось влиться в ряды армии Тимура. Араз бек представил его одному из военачальников Тимура – Мухаммеду Мираки, победителю монголов в Андижане, в качестве переводчика, владеющего арабским, персидским, монгольским и греческим языками. Известно, что ремесло дильманджа (переводчика) ценится во все времена. А если дильмандж из благородных кровей, и владеет оружием – такому будут рады в любой армии.

Судьба улыбнулась кокандцу, и заставляла его забыть раны, как телесные, так и сердечные. Кенан влился в ряды армии джахангира, ощутил прелести походной жизни. Он был приписан к полку Араз бека, состоящего из туркмен.

Высокий и широкоплечий Араз бек, с почерневшим от солнца угрюмым лицом стал для кокандца вроде старшего брата. Он был немногословен, но отчаянно храбр и великодушен. Новый командир научил новобранца не только секретам владения мечом, но и печь ишлекли («с внутренностью», в переводе с туркменского языка) – мясоовощной пирог из тонкого теста, зарытый в раскалённом песке. А однажды Араз бек сказал слова, глубоко запавшие кокандцу в душу:

– Тебя до сих пор уважали, как сына Ахмеда Фергани. До сих пор ты был лишь тенью своего отца. Теперь настало время выйти из тени. С этой минуты ты будешь кузнецом своей славы или своего позора.

Туркмены разводили костры широкими кругами и вечерами устраивали вокруг них пляски. На стоянках кокандец ел с ними из одного котла, спал под открытым небом, где ложем служила каменистая почва, а подушкой – придорожный камень. Вскоре Кенану пришлось расстаться с табибом Термези, уехавшим в Индию.

Начиналась весна, днём уже припекало солнце, но ночи стояли ещё холодные, коней приходилось накрывать одеялами, подбитыми мягким войлоком. Всё это для Кенана было непривычным и любопытным. Поэтому вечерами при колышущемся свете свечи он переносил впечатления на шелковистую поверхность бумаги.

На полпути между Гератом и Нишапуром располагался небольшой город Тус, добровольно сдавшийся Тимуру. Здесь войско остановилось на три дня.

Тус мало чем удивил Кенана. Вернее, он увидел здесь то, о чём слышал и то, что ожидал увидеть. На папертях мечетей шевелились, протягивая измождённые руки нищие. Калеки ползали по земле, требуя подаяния; юродивые, закатывая глаза, хрипели, брызжа слюной. Город был полон мечетей, нищих и калек, выделявшихся среди позолоты городских строений. Несмотря на обилие нищеты, Тус очаровывал верующих особой аурой. Это было связано с тем, что тут был похоронен шиитский имам – Реза, павший жертвой заговора халифа, отравившего потомка пророка.

Многочисленные паломники, круглый год прибывающие сюда со всех концов Ирана и Ирака, неделями проживали в деревушке Санабад или селились в шатрах, окружавших гробницу имама Резы. Сами они называли это место – Мешхед, то есть «город шахида». Следующей остановкой должен был стать город Нишапур.

Нишапур — изумруд Хорасана лежал на пересечении караванных путей, среди зелёных холмов и пшеничных полей. Это был город, где дух вечности струился сквозь каждый камень, каждую строку, высеченную на мраморных надгробиях.

Улицы Нишапура были просторнее, чем в иных персидских городах. Повсюду здесь чувствовались древность и утончённость: в изгибах арок, в геометрии садов, в тенях от сосен и кипарисов, в журчании арыков, переносящих прохладу с гор.

Нишапур понравился кокандцу аурой поэтичности, улыбающимися лицами горожан, и конечно, знаменитым на весь мир бирюзовым камнем редкой красоты, который добывали в окрестностях. Не забыл Фергани посетить мавзолеи Омара Хайяма и Фаридаддина Аттара. В городе витали тени Рудаки и Насира Хосрова.

По мере продвижения войска росла и популярность кокандца, как грамотного переводчика и отважного воина. Он успел покрыть себя славой в незначительных стычках с монголами. Но чаще его привлекали переводить письма и речи пленных.

Армия приблизилась к городу Рей. Горизонт на востоке зарозовел от первых солнечных лучей, красный шар солнца выкатился на небосклон. Раздался сильный рёв карнаев, возвестивших о начале праздника. Войско торжественно отмечало праздник Мовлуд ан-Наби, день рождения пророка Мухаммеда, который в этом году совпал с древним праздником тюрок – Сабантуй, посвящённому окончанию весенних работ. Солдаты армии Тимура, большинство которых составляли турки различных народностей, с утра до вечера ели мясо, пили кумыс, и танцевали яллы, взмахивая кривыми саблями.

Среди тюркских отрядов выделялась тысяча кыпчаков, перешедших на службу к Тимуру. Они расположились отдельным лагерем близ ставки Эмира. Эта тысяча, в свою очередь, делилась на десять сотен, которыми командовали беки из знатных кыпчакских родов. Одна из таких сотен находилась под командованием молодого, но удалого джигита по имени Махмуд Алпарс. Кенану предстояло познакомиться с ним. Их свёл случай, когда Фергани в качестве дильманджа пригласили в шатёр мингбаши-бека (начальника тысячного отряда) для допроса пленных.

Бек вышел из шатра. Рядом с ним находился его правая рука, Махмуд. Внешне это был молодой человек приятной наружности. Он был высок, строен и красив. Светлые волосы покрывали бычью шею, а суживающиеся глаза на плоском лице были подобны глазам кречета, высматривающего добычу. Движения джигита были ловкими, а походка кошачьей. Но за столь благообразной внешностью скрывался волк в овечьей шкуре. Склонный к пороку Махмуд полагал, что жизнь даётся один раз, и её непременно нужно тратить на греховные удовольствия.

Махмуд заметил кокандца, когда тот переводил беку речь пленников. Он сам первым подошёл к Кенану, и поздоровавшись, сказал задиристым голосом:

– Сразу видно, что ты больше учёный книжник, нежели доблестный воин.

Эти слова, высказанные в пренебрежительном тоне, поначалу задели кокандца, и первой его мыслью было поставить на место наглеца. Однако, помня свою цель, поиск «Света Тени», не желая терять авторитет из-за глупой ссоры, он сдержался.

– Верно, раньше я был книжником. Но в моих жилах течёт благородная кровь, и я неплохо владею оружием. Если кто в этом сомневается, могу доказать на деле!

– Слова настоящего джигита! – воскликнул кыпчак, – Но, слушай меня, бейзаде (сын бека), если твоя отвага не только на словах, но и на деле, то присоединяйся к нам. Нам нужны такие джигиты, как ты. Приходи на закате ко дну оврага напротив. Не трать молодость на перо и бумагу, когда можешь заменить их на блеск меча.

– Какое ещё дело? – насторожился кокандец.

– Придёшь, увидишь. Не захочешь, можешь вернуться.

– Хорошо, договорились... – после некоторого раздумья ответил Кенан. Ему не понравилось предложение кыпчака, но любопытство одолело в нём голос разума.

– Уверен, не пожалеешь, джигит, – с плотоядной улыбкой произнёс Махмуд.

Кенан, как и условился встретился со своим новым знакомым после заката на дне близлежащего оврага. Кокандец приблизился к костру. Вокруг костра сидели девять воинов из отряда Махмуда. Рядом с ними паслись скакуны разных мастей.

– Это будет твой конь, – сказал Махмуд и подвёл Кенана к рослому сивому коню, привязанному в стороне от других коней. – Предупреждаю: он очень горячий.

Кенан с опаской подошёл к коню, который при его приближении прижал уши, оскалил зубы и подкинул вверх задом. «Аллах мне в помощь», – подумал он.

Через полчаса Кенан умело оседлал дикого коня, поразив своей ловкостью даже бывалых воинов из отряда Махмуда. А ещё спустя час он выехал вместе с отрядом за пределы военного лагеря. Они выехали тайком, обманув бдительность дозорных. Ибо самовольная отлучка из ставки Тимура каралась смертью. Всадники поскакали в сторону селений к северу от Рея. До ближайшего села добрались на рассвете.

Бледно-розовый рассвет озарял вершины гор Эльбурса, облака цеплялись за скалы. Село, прижавшееся к склону, спало в тишине. Внезапно земля содрогнулась от тяжести копыт. Внизу показались всадники. Гривы развевались на ветру, а дым из конских ноздрей смешивался с пылью, поднимаемой копытами.

Первым в деревушку ворвался Махмуд. Его конь, вороной, в серебряной сбруе, с амулетом в виде когтя беркута на уздечке нетерпеливо теребил копытами. Сам он важно восседал на коне, с кинжалом за поясом. Крик пронзил утреннюю тишину, когда Алпарс призвал воинов поджечь село.

Собаки залаяли, запрыгав вокруг всадников, но тут же стихли – кто-то пустил в одну из них стрелу. Женщины с криками выскочили из домов, прижимая к груди детей, старики растерянно смотрели из-за окон. Разбойники рассыпались повсюду, на лету спрыгивая с коней. Один из них пинком распахнул дверь глинобитного домика, вытащил наружу мужчину за бороду, и ткнул ему в грудь лезвием меча:

– Жизнь или смерть! Давай, старик, гони всё, что есть дома, если хочешь жить.

Остальные всадники не спешили. Они гарцевали у каждого дома. Их кони храпели, звон оружия сливался с плачем детей. Старейшина села вышел навстречу.

– Ради Аллаха, смилуйтесь, джигиты... У нас ничего нет... – пролепетал он.

– Замолчи, старый пёс! – проревел Махмуд, взмахнул саблей, и старик рухнул на влажную от утренней росы землю, обагрив её лужей крови.

Началась охота. Разбойники входили в дома, выносили оттуда килимы, одежды, кувшины с маслом, монеты, вязанки ковров. Кто-то тащил за волосы юную девушку, и та вцепилась руками о дверной косяк, но удар плетью лишил её чувств. Всадники хохотали, подбрасывая в седле трофеи, словно играли в човган.

Когда сума каждого грабителя была набита, а мешки гремели украденными вещами, Алпарс поднял саблю вверх. По его сигналу все вскочили на коней. Один всадник подхватил

девушку, бросив перед собой в седло, другой – мальчишку лет десяти. Кони развернулись, и от гула их копыт зазвенели камни на дорогах.

Кенан был в неописуемом шоке. Поначалу от всего произошедшего у него чуть было не отнялся язык. Он молчал, как вкопанный издали наблюдая за «подвигами» солдат Махмуда. Его терзали противоречивые чувства. Если первым порывом было зарубить мерзавцев, осмелившихся грабить и насиловать беззащитных дехкан, то природное благоразумие остудило пыл. Ведь Кенан был один против вооружённых до зубов, закалённых в боях солдат, которые шутя могли разрубить на куски его самого. Пожаловаться считал деянием уместным для доносчиков. Однако оставлять такое безнаказанным тоже было нельзя. Поток его сомнений был прерван окриком:

– Не мешкай, бейзаде! Не то сам станешь добычей настоящих разбойников! В первый раз меня тоже тошнило, гнев застилал глаза. Потом всё пройдёт. Только если пикнешь кому-то о наших приключениях, то не сносить тебе головы!

К полудню ватага вернулась в ставку, вечером Махмуд послал за Кенаном. Когда Кенан приблизился к нему, дабы плюнуть в ухмыляющееся лицо, ему пришлось на лету поймать мешочек, полный дирхемов, брошенный Махмудом в его сторону.

– Эта твоя доля, Кенан. Мы всегда всё честно делим между собой.

– А что случилось с девушкой? – голос Кенан дрожал от ярости.

– Сохранили для тебя. Ты должен вкусить нектар её нераскрывшегося бутона.

– Гореть вам всем в аду, Махмуд! – зашипел Кенан, в гневе стуча зубами.

– Может быть. Да, мы не совершаем намаз, не держим пост, не платим закят и не ездили в Мекку. Мы не страшимся мук ада и не верим в райское блаженство. Так как наш рай и наша преисподняя находится рядом с нами. Стоит лишь выбрать, – заявил Махмуд под хохот поделщиков, и продолжил, – Мы не читали мудрых книг, ибо наша книга жизни – это вино в объятиях гурий и острие меча в горле кяфира.

– Ваша книга жизни написана на вашем челе. Всех вас ожидает адский огонь!

– Зато мы испробуем рай на земле. Давай, бейзаде, не ломайся... Но сначала ты должен разделить с нами братскую трапезу. Не губи зря молодость, джигит!

Кенан долго молчал в оцепенении, в это мгновение он был как бы сам не свой, замешательство читалось на его лице, не успевшим познать сладость запретного плода. После нерешительного раздумья он согласился.

Это был первый вечер грехопадения Кенана после опьянения в Бухаре. Он пил без удержу, ел за четверых, никак не мог насытить утробу. Вернее, этим пытался подавить в себе бессильную злобу, заглушить в сердце голос совести. В этот вечер в его душе отчаянно боролись между собой два Кенана: человеческое и животное. И в конце второе с трудом сумело взять верх над первым.

Лёгкий заработок, пиршества с вином, азарт игр, будоражащих горячую кровь, и доступные красавицы вскружили голову кокандца. Он уже считал грабительские набеги на мирные селения платой за удовольствие. Происшествие в окрестностях Рея повторялось и в других селениях Ирана, куда ступала нога воинов Тимура.

Всё это продолжалось до тех пор, пока кокандца не отправили с поручениями в Шираз и Хамадан, где он должен был оставаться до прибытия армии Эмира.

Глава IV

ИСКУШЕНИЕ

«Добыл ты много благ земных, но к новым не стремись:

Земное благо тянет вниз – святое ввысь»

Алишер Навои

Если сравнить цветы в саду, то Шираз, несомненно, будет неувядающей розой. Город, как драгоценный камень, сокрытый среди песков и гор Загроса, сиял даже в трудные времена. Он всегда оставался очагом утончённости, поэзии и науки.

Утром, когда первые лучи солнца касались лазурных куполов мечетей, Шираз пробуждался от ночной дремы. В эти часы туманы, спустившиеся с гор, стлались над садовыми дорожками, делая дворцы и караван-сарай похожими на сказочные видения. Сквозь туман проступали колонны мраморных террас, где сидели поэты и богословы, обсуждая рубаи покойного Саади и ещё живого Хафиза.

Уже на рассвете базар был полон народу. Купцы раскладывали товары. Ткани всевозможных цветов и оттенков переливались перед взором покупателей словно разноцветный фонтан. Над прилавками витали запахи сандала, амбры, шафрана и куркумы. Рядом вился дым от жаровен, где женщины пекли лепёшки сангак.

Над городом высились купола и минареты, украшенные бирюзовой и тёмно-синей мозаикой. Гордостью Ширази считались мечеть Атиг Джами с её резными каменными воротами, и мавзолей Баба Кухи – одного из первых суфиев Ирана.

Шираз и его окрестности были полны садов. За городской чертой, в садах Баг-е Эрам пели соловьи. Их голоса сливались с журчанием фонтанов. В тени гранатовых дервиши тариката кадирийя проделывали фокус, выпуская огонь из рта.

Вечером, когда солнце садилось за горы, наступала прохладная ночь, в медресе, освещённом сотнями светильников, учёные спорили об учении Аристотеля и Ибн Сины. Где-то в углу молодой ученик, держа на коленях тяжёлый манускрипт, читал знаменитый «Бустан» Саади. Его слова и поныне эхом звучали в сердцах людей:

«Человек создан для любви и милости,

Без милости он не более чем камень или глина...»

Кенан пробыл в Ширазе неделю, и за всё это время не переставал восхищаться его красотой и величием, сравнивая разве что с Самаркандом. За это время он успел встретиться со знаменитым поэтом Хафизом, который доживал свои дни в доме, утопающем в зелени и благоухающем розами. Кенан поэту передал приглашение Тимура, сопроводив письмом. В ответ великий Хафиз произнёс:

*«Удивления достойны поступки Творца, переполнены горечью наши сердца,
Мы уходим из этого мира, не зная ни начала его, ни смысла, ни конца»*

В этих словах была заключена многовековая персидская мудрость.

Из Ширази Кенан направился в Абадан – морские ворота Ирана, граничащими с арабским миром. В этом портовом, крайне жарком и влажном городе он остался на день. Город был окружён болотами с камышовыми зарослями, где рыбаки с узких лодок ловили рыбу в устье Тигра и на берегах Персидского залива. Абадан был известен солеварнями и мастерскими по изготовлению килимов из тростника.

Из Абадана Фергани направился в Луристан. Неподалёку от Шуштера начались горы. Узкая, протоптанная в травах дорога шла берегом реки Карун. Лето было на исходе, кое-где в горах оттаял снег. Из-за этого паводковая вода неслась, вспениваясь водоворотами, вровень с обрывистым берегом. Через Луристан он, минуя кочевые становища луров и огузских племён, направился в Исфахан.

В Исфахане одна из достопримечательностей привлекла внимание Кенана. Это был хамам, подогрев которого осуществлялся с помощью одной свечи! Он был спроектирован азербайджанским архитектором, чьё имя, к сожалению, затерялось во мраке веков. Ещё одним чудом инженерной мысли местных архитекторов были яхчалы – специальные сооружения

конусовидной формы, сохранявшие холодную воду и лёд в жаркое, засушливое лето в условиях пустынь и полупустынь.

Хамадан или древняя Экбатана лежал на склонах гор Эльбурс. Он был словно старец, видевший века от мидийских царей до султана Меликшаха. Хамадан был древнейшим городом не только Ирана, но и всего мира. Его рынок был построен ещё во времена Сасанидов. В центре города возвышалась башня Курбан, где были захоронены сельджукские эмиры. Над базаром возвышался мавзолей Абу Али Ибн Сины (Авиценны) – философа и врача с мировым именем, родом из Бухары, чьи труды по медицине веками были настольной книгой европейских лекарей.

Бывшая столица Сельджуков была не только центром исламской культуры. Тут проживали также христиане, иудеи и зороастрийцы. Над могилами библейских Эсфирь и Мордехая была сооружена церковь. На другом конце города возвышался каменный лев, относящийся к эпохе Ахеменидов. В этом городе жил Баба Тахир, лурский мистик, человек широкой души и небывалой доверчивости.

Однако ко времени прибытия Кенана город переживал не лучшую пору в своей истории. В Хамадане царила обстановка страха, неуверенности. Вечерами горожане запирались в своих домах, сидели за засовами, с замиранием сердца выглядывая на каждый стук в дверь. На рынке предпочитали держать язык за зубами, не болтать лишнего. Нечаянная обмолвка могла стоить дорого. Боялись всего: косого взгляда, шёпота за спиной, сердитого окрика раиса. Глубоко сидел в каждом страх голода. Местные эмиры вчистую разоряли окрестные деревни, крестьяне бежали в горы.

Но всё это не касалось шейха Амира Хасана Хамадани, негласного правителя города, к которому нынче направлялся кокандец. Казалось, шейх не замечал суеты и треволнений Хамадана, продолжая наслаждаться жизнью в роскошном дворце на склоне лесистых гор. Бедствия горожан были ему нипочём.

Шейх Хамадани принимал своего гостя в саду, где по этому случаю расстелили огромный ковёр. В его углах слуги поставили начищенные до блеска светильники, а в центре – вазу с фруктами, окаймлённую гирляндами из гиацинтов и роз. Затем принесли кувшины с водой и низкие столики с яствами. Чего только там не было? На золотых и серебряных подносах дымились плоды различных видов, фесенджан, абгушт, кебабы, жареные цыплята с начинкой лявянги, запечённая осетрина, долма. В дверях толпились девушки с вазами винограда, гранат, дынь и арбузов. Столики были уставлены шербетами и иранским мороженым – фалуде.

Взяв тремя пальцами правой руки плоскую лепёшку барбари, шейх подхватил ею лакомый кусок из баранины и протянул гостю. За ужином он как мог развлекал гостя. А в конце стал расспрашивать о Тимуре. Кенан ждал этого момента.

– Слава Аллаху, великий Эмир жив и здоров, и скоро прибудет в Хамадан.

– Да, мне известно об этом из его письма, – сказал шейх, – Велико ли его войско?

– Его доблестных воинов больше, чем звёзд на небе, а их светлые клинки острее, чем меч Зульфикар. Куда ни ступает нога Эмира, там воцаряются закон шариата и справедливость, процветает торговля, подданные благословляют Великого Эмира, а могущественные ханы готовы целовать копыта Колдиргоча, его коня. Мрак разрухи сменяется светом благоденствия. Достаточно взглянуть на Самарканд, чтобы в этом убедиться. В город, который скоро затмит все столицы мира.

После этого Кенан, немного сгустив краски, более подробно поведал шейху об успехах армии Тимура, о стремительном продвижении его войска в Иране, а также о порядках устанавливаемых Эмиром и взаимоотношениях с новыми подданными.

Шейх весь превратился в слух, стараясь не упустить ни слова из хвастливого рассказа посла. Как никак, а кокандец для него был ценным источником, живым очевидцем событий,

потрясавших землю Персии. В свою очередь прихвастнувший за чашей вина Кенан искал случая, чтобы завести разговор о тайне «Света Тени». Эта возможность представилась, когда миловидная прислужница принесла на серебряных блюдах дымящийся пишмак – сладость, изготовленную из сахарной ваты, обжаренной в розовом масле с добавлением фисташек и кунжута. По задумке кондитера белый пишмак полили тёмным гранатовым соусом, придавшим ему вид смешения дня и ночи, что, конечно, не могло не привлечь внимания посла. Намотав на ложечку тягучие сахарные нити, Фергани спросил:

– Цвета этой чудесной сладости напоминают загадку, которую не смог раскрыть ни один мудрец в мире. Как, по-вашему, уstad, смогли бы вы её разгадать?

Шейх был человеком проницательным. Он тотчас разгадал намерение посла.

– Разгадка тайн, несомненно, находится в руках божьих, мы же лишь простые смертные, облагодетельствованные крупницей знаний в океане науки Его милостью по мере целесообразности, – витиевато начал шейх, – Кроме того, любая тайна – это сокровищница, а у всякой сокровищницы есть ключ. Если вы упомянули о некоей тайне, стало быть, вы знаете и о ключе к нему, и теперь ищите его.

– Верно. Однако ключ от этой тайны находится в руках ардебильских шейхов. Дабы предстать их взору, поклониться их саджаде, необходимо рекомендательное письмо от прославленного шейха, – нехотя признался Кенан.

– Чтобы заполучить желаемое требуется поставить перед собой цель, а до этого знать о сути желаемого. Шейх Садраддин Муса и его сын Ходжа Али, руководители тариката Сефевийе, вне всякого сомнения, личности в высшей степени достойные. Разумеется, они могут обладать некими знаниями. Но это отнюдь не означает то, что они готовы поделиться ими с первым встречным. Даже если этот первый встречный является юношей из благородной семьи, с кротким нравом. – при этих словах шейх уколол кокандца, указав на его неуместное бахвальство, тем самым сбив с него спесь, – Вдобавок, они заинтересуются целью поиска.

Кенан был неопытен в дипломатии, поэтому легко попал в словесную ловушку хитрого шейха. Осознав это, он решил, что наилучшим выходом выбраться из этого капкана для него будет откровенность. Потому Кенан в общих словах рассказал, пожирающему его рысьими глазами шейху историю поиска «Света Тени».

– Взойти на склон горы может всякий, но достичь его вершины – удел единиц. Тех, кто обучался этому восхождению многие годы, кто настолько укрепил свой дух и тело, что способен переносить лишения. Письмо написать можно, но его прочтут тогда, когда шейхи примут товсийе (рекомендация) от того, кто этого достоин.

– А как быть достойным высокой милости быть принятыми ими?

– Ответ на этот вопрос можете знать только вы сами, молодой человек. Прежде всего, для этого необходимо найти самого себя, вникнуть в собственное «Я» или на многие годы стать мюридом какого-нибудь тариката, совершенствуя свою душу.

– Возможно, существует более короткий путь к этой цели, нежели многолетнее отшельничество, которое в нынешних условиях для меня попросту невозможно. И можете ли вы оказать честь послу Великого Эмира, подсказав этот путь?

– Путь короткий или длинный может проложить только Всемогущий Аллах, а смиренному рабу Его остаётся лишь выбирать путь по мере возможностей своего разума. В данном случае разум не сильно ошибётся, если подскажет вам дружбу с покорным слугой. Дружбу, предполагающую во имя интересов ислама и пророка быть глазами и ушами нашего тариката в свите Эмира Тимура, да продлит Аллах его царствование на сотни лет. В обмен на надёжное товсийе, разумеется.

– Уstad, вы предлагаете мне изменить самому себе, клятве верности, данной мне мечом и Кораном перед самим Тимуром?! – растерянно спросил Кенан.

В ответ шейх вначале промолчал, затем впился колючим взглядом в кокандца, и лишь после этого соизволил разомкнуть уста, дав понять незадачливому послу, что разговор окончен.

– Наш Хамадан привык раскрывать объятия всем, кто приходит сюда с добрыми намерениями. В их числе и для мудрых правителей, водворяющих справедливость на истерзанных землях. Уверен, что пребывание здесь станет для вас судьбоносным.

Для Кенана Хамадан и вправду оказался судьбоносным городом. Ибо в его тени произошли события, которые круто изменили жизнь и нрав кокандца. Всё началось с очередной встречи с Махмудом и его приятелями.

Вновь вернулись славные деньки, когда Кенан мог разгуляться вволю. Наконец, настали времена, когда он мог утолять жажду вином, а сердечную рану заглушать в объятиях чернобровых красавиц. Когда учёную беседу заменят хмельные пиры с друзьями Махмуда, а мудрая книга уступит место играм в нарды на деньги. Когда звон золота звучит слаще, чем пение соловья в саду возлюбленной. Когда туман от гашиша заставит забыть все печали мира. Когда Кенан осознал, что загадка «Света Тени» от него так же далека, как Полярная звезда, и перестал её искать.

Однако ничто не может длиться вечно. Ни добрые, ни тем паче злые деяния. И жалоба несправедливо притесняемого рано или поздно обязательно достигает до слуха Того, кто является мерилем наивысшей справедливости. Так, молва о шайке безжалостных разбойников, под покровом ночи грабящих мирные сёла, быстро распространилась по всему Ирану. Вдобавок, эти грабежи происходили именно на пути следования победоносной армии. Эти слухи наводили тень на непобедимого Тимура, прославившего беспощадностью и к врагам, и к нарушителям своей воли.

Всё началось с очередной вылазки отряда Махмуда, в которой принял участие и Кенан. На сей раз неувимые всадники ограбили одно из селений в окрестностях Хамадана. Правда, на сей раз, вооружённые длинными ножами дехкане оказали им сопротивление, даже зарубили нескольких разбойников. Сам Махмуд лишь чудом уцелел, и вместе с Кенаном ускакал оттуда, словно гонимый Иблисом.

Однако горечь от неудачного набега следовало испытать в ближайшем мейхане. Что негодяи сделали с превеликим удовольствием. К вечеру тьму улочек Хамадана прорезали пьяные крики, смех и ругань, опьяневших от вина и гашиша «удальцов» Махмуда, пристававших к редким прохожим. Вскоре гул донёсся из женской бани. Ворвавшиеся в баню, потерявшие человеческий облик грабители били служанок, а носящего дрова мальчишку зарезали. Это переполнило чашу терпения. К утру грабители все до одного были пойманы и приведены в ставку Тимура.

Суд и расправа над десятью виновниками, как и ожидалось, произошли быстро и безжалостно. Продолжавший в таких вопросах традиции Чингисхана и тюркских хаганов Тимур велел переломать им хребты, отрубить головы, водрузив на колья перед входом в шатёр кыпчакского мингбаши, которого он разжаловал до простого солдата. Махмуд Алпарс, опозоривший славу кыпчакского народа и опорочивший имя доблестных предков, перед мучительной казнью был острижен, заgrimирован под женщину, и в таком срамном виде изрублен на куски перед всем войском. Его останки бросили на съедение собакам-людоедам.

Мучительный конец миновал Кенана, хотя нынче он желал смерти всей душой, предпочитая её как избавление от унижений и вечного позора. На самом деле он избежал спасительной кончины по приказу самого Эмира. Великодушный Тимур не забыл преданности, проявленной его семьёй во время освобождения Коканда от монголов. Кроме того, мудрый правитель ценил учёных на вес золота. Поэтому Фергани отделался тем, что его борода была острижена под хохот воинов, а сам он изгнан из лагеря. Так Кенан остался один, без друзей и без гроша в кармане.

Пологие горы курчавились низкорослым лесом, в долине была чересполосица виноградников, рисовых полей и цитрусовых рощ. Нежный ветерок, колышущий верхушки тополей и кипарисов, приносил тёрпкие запахи йода и смолы. Стояла середина зимы, но небо было пронзительно-голубым, солоноватый ветерок играл шевелюрой кокандца. Дышалось привольно и глубоко, несмотря на влажность. Прикаспийский край ему понравился.

В этих краях издревле жили гилянцы или как сами себя называли – талыши, потомки каспиев, стоявших у истока Атропатены, и давших название Каспийскому морю. Эти трудолюбивые крестьяне от зари до зари выкорчевывали девственные леса Гиляна, сеяли на топких болотах рис и обитали в тростниковых хижинах.

Кенан попал в эти края спустя три месяца после своего позорного изгнания из Хамадана. За эти месяцы у него было достаточно времени, чтобы переосмыслить ошибки, сделать выводы и подумать о будущем. С момента расставания кокандца с родным очагом прошло более десяти лет. Кенан уже не был тем безусым юнцом с надеждой на светлое будущее. Теперь это был возмужавший, неразговорчивый, надломленный жизнью человек, для кого будущее было туманным, как зимнее море. Злой рок судьбы затушил в его душе гордыню, непокорный нрав задал фатализм, а юношеский пыл сменило беспредельное отчаяние. Отчаяние от мысли, что он, сын почтенной семьи, с детства подававший надежды, собственными руками бросился в омут нищеты. Кенан был осрамлён, унижен и беден. К двадцати семи годам он не добился в своей жизни ничего путного, оставив за собой путь, усеянный стыдом и ошибками. Единственное, что не давало ему окончательно пасть духом – была мысль о «Свете Тени», служившая маяком света во мраке безысходности.

Однако нынешнее положение затрудняло поиск. Кенан не знал с чего начать, как добраться до Ардебилля, как попасть на приём к шейху Садрадину. Кокандец терзался сомнениями. Это продолжалось до тех пор, пока он не получил письмо.

«Достопочтенному факиху, кладезю знаний, дильманджу и смелому джигиту, Кенану Фергани. Во имя Господа миров. Приветствует тебя из Дели скромный раб Зия Термези, таиб великого и благословенного защитника веры и справедливости, султана Фируз шаха Туглака, да продлит Аллах дни его жизни и правления.

Мир полон слухов и небылиц, и странники, гонимые ураганами судьбы доносят их до крайних уголков подноса Земли. Так и бродячие дервиши, прибывшие из Ирана, поведали нам о хамаданских злоключениях нашего друга.

Ошибаться – удел раба Божьего. Никому на свете не суждено избежать этого, равно, как и всякое живое существо познает вкус смерти. Как говорится в хадисе пророка: «Каждый человек ошибается, но достоин похвалы тот, кто, осознав свою ошибку, пытается её исправить». Так и ты одной рукой вооружившись молодостью, а другой – светом знаний и лучом надежды, пойдёшь за тем, что ищешь. Ты на верном пути, но последующая дорога будет долгой, дабы укоротить её, необходимо овладеть ключом, который под силу лишь тебе самому. Стоит стремиться к этому, невзирая на преграды. Человек – уменьшённое подобие Творца, и его сила таится в его духе.

Однако для начала ты должен некоторое время побыть у дервишей или у старцев огнепоклонников. А ещё лучше стать мюридом того тариката, учение которого близко твоим воззрениям. Лучшим местом для этого является портовый город Баку. Там, где земля дышит огнём и выпускает из своих недр светящееся масло, именно там можно обрести душевный покой, собраться силами для дальнейших странствий.

Помни: слепая вера хуже коварного врага, ибо исходит из невежества. А невежество – худшее зло на свете. Не уподобляй себя лицемерным ханжам, не видящим мир дальше носа. Защита воина – остриё светлого меча, а броня искателя знаний – критическое отношение к устоявшимся канонам... Да убережёт тебя Аллах от козней шайтана».

Письмо не только взволновало Кенана до глубины души, задуло в его сердце пламя надежды, и перевернуло жизнь, вырвав из дна отчаяния. Вольнодумец, оказавшийся настоящим другом, подсказывал ему дальнейший путь для поисков!

Взволнованный кокандец не находил себе места. От радости его руки невольно тряслись, а голова кружилась, как волчок. На базаре Казвина, где бывший мударрис подрабатывал перепиской книг, он начал расспрашивать о храме зороастрийцев, находящимся в окрестностях города. Слушавшие сбивчивые расспросы кокандца торговцы даже решили, что он тронулся умом. Кенан не обращал на них внимания, судорожно, с широко раскрытыми, как у любителей терьяка (опиума) зрачками, продолжал искать огнепоклонников. Найдя их, и представившись от имени Зия Термези, он выяснил, что одна из групп должна на рассвете отправиться в путь.

Путь преследуемых правоверными паломников лежал в крепость Азергошасб или известную под названием «трона Соломона», находящуюся приблизительно в сорока фарсахов к югу от азербайджанского города Зенджан. В этой разрушенной крепости находилась одна из зороастрийских святынь, «башен молчания», чудом сохранившаяся после арабского завоевания Персии. Затем паломники, а вместе с ними и Кенан предполагали поехать в живописную азербайджанскую деревушку Кандован, где люди жили в пещерах, устроенных под двухэтажные жилища.

Фергани не оставалось иного выбора, как присоединиться к группе бродячих огнепоклонников, и вместе с ними поехать на север. Их путешествие продлилось больше месяца. За это время, несмотря на взаимную неприязнь, кокандец успел с ними сдружиться, прочесть перевод Авесты на новоперсидском языке. Он делил с ними трапезу, спал бок о бок, часто дискутировал. Но рано или поздно их пути должны были разойтись. Кенан стремился попасть в Астарабад до наступления морозов, когда снег закроет перевалы, разделяющие Гилян от Ирана.

Пришла зима, а вместе с ней и холода, которые в горах ощущались особенно остро. Зороастрийцы готовились возвращаться обратно в Казвин. Волею-неволей Кенану пришлось распрощаться со своими новыми товарищами. Однако у него не было денег на дорогу до Астарабада. К тому же кокандец был один, без заработка и крова над головой. Вдобавок, он был уязвим как перед возможным нападением разбойников, так и многочисленными постами воинов армии Тимура.

Тогда Кенан решился на крайнюю меру. Представившись писцом, он решил примкнуть к бродячим, неграмотным цыганам, ведущим кочевую жизнь на отрогах Эльбурса. Эти цыгане, живущие в таборе, промышляли продажей ослов и медной посуды по обе стороны дейлемских гор, и теперь держали путь в Астарабад, куда стремился попасть кокандец. А цыганские женщины зарабатывали гаданием на руках и дрессировкой медведей. Вечерами они пели завораживающими голосами, и совместно с мужчинами устраивали пляски под ритмичную музыку.

Разумеется, их обычаи и образ жизни противоречили жизненным принципам такого правоверного мусульманина, как Фергани. Однако как бы он неприязненно не относился к цыганам, в глубине души не мог не отметить то обстоятельство, что в целом цыгане были щедрее иных мусульман. По крайней мере, за те месяцы, что он прожил среди них, они делились с ним куском хлеба, и относились к нему с уважением. Вместе с ними он достиг Астарабада, порта на берегу Каспийского моря. Здесь он сел на торговый корабль, намеревавшийся плыть до Баку.

Капитаном корабля оказался грек Теодор ага, монах-расстрига из Трапезунда, выгнанный из монастыря за пьянство и дебоши. Несмотря на неприглядный облик, где выпирали непомерной величины живот и свисавшие до горла усы на красной роже, от кого разило потом и вином, оказался человеком живого ума и большой учёности. Грубый нрав, острый язык скрывали под собой золотое сердце. Общение с морским волком, сорок лет бороздящим моря, доставляло Кенану удовольствие. В вопросах веры Теодор, как истый православный христиа-

нин был непреклонен так же, как и кокандец в своём трепетном отношении к исламу. Однажды промозглым вечером в капитанской каюте между ними произошла полемика:

– Вы, мусульмане, – начал, качающийся от чаши вина капитан, – утверждаете, что вино – это грех. А мы, напротив, считаем его не только кровью Христа, но и лекарством от болезней, усадой души и украшением пиршества. Так кто же прав?

– В этом, равно как и в остальных различиях, правы мусульмане, разумеется, – спокойно ответил Кенан, морщась от винного перегара капитана.

– Вот, пожалуйста, – захохотал грек, держась обеими руками за колышущийся, как корабельная мачта при шторме живот, – Упрямства, вам еретикам не занимать. Ну как мусульмане могут быть правы, если они сами являются всего лишь одной из египетских ересей, придуманной невежественными арабами и их вождём, купцом и обманщиком Магометом, присвоившим себе титул пророка? Вы не признаёте ни Христа, ни нашей церкви, ни Библии, ни веры в Бога, – закончил он свою тираду.

– В ваших словах, уважаемый ага, есть море лжи и лишь крупица правды. Да, мы и вправду признаём распятие вина и всех хмельных напитков грехом. Верно и то, что мы действительно не признаём божественной природы Иисуса Христа, кого считаем лишь пророком, рождённым от святой женщины, Марьям в результате непорочного зачатия. Этому даже посвящена целая сура в Коране. Наша религия придерживается строгого единобожия, а это означает то, что Бог не рождён и не может родить, тем паче, не может быть одновременно, сыном, отцом и святым духом! Мы признаём, уважаем иудаизм и христианство, как религии, а христиан и иудеев, как «людей Писания», кому Бог ниспослал священные книги, но которые исказили слово Божье. В то же время им предоставлены особые права на землях ислама. Доказательством этому служит то, что в мусульманских странах христиане и иудеи свободно исповедуют свои религии, строят свои церкви и синагоги, живут по своим законам. Их честь, жизнь и имущество охраняются законом. В обмен на защиту и спокойную жизнь люди Писания платят налог, и живут, как все. Скажите, в какой христианской стране можно встретить подобное? Я ещё не говорю про то, как ваша церковь руками инквизиции преследует евреев, обвиняя их в убийстве пророка Исы. Мы почитаем всех пророков, живших до Мухаммеда и все книги, ниспосланные Аллахом – Тору (Таурат), Евангелие (Забур) и Библию (Инджил), но искажённые потомками. Коран лишь повторяет истины, написанные в тех книгах.

– Доказательства?! – недоверчиво косясь, спросил Теодор-ага.

– Я могу всё это детально разъяснить. Но для начала, уважаемый ага, скажите, пожалуйста, вы, как учёный христианин, рум, читали ли хоть раз Коран?

– Откровенно говоря, нет, – недовольно почесав затылок, ответил грек.

– А жаль. Так вот, в этой не имеющей себе равных книг, несомненным автором которой является сам Бог, чёрно по белому написано: «В исламе нет принуждения». Нашу религию можно принять только на добровольной основе. Все законы ислама, нашедшие отражение в Коране и сунне пророка, хадисах, отвечают потребностям человека. Они нацелены на его физическое и нравственное здоровье. В Коране чётко определены правила семейно-брачных отношений, наследования, имущественных и пр. вопросов. Коран призывает к щедрости, милосердию, уважению к старшим, определяет и защищает права женщин, рабов, людей Писания. Эта книга – слово Божье, ниспосланное для всех времён и народов. Ислам держится на пяти столпах – Таухид, единобожие; ежедневная пятикратная молитва – намаз, когда верующий получает возможность непосредственного общения с Господом; пост в рамадан – орудж, когда верующий проходит испытание на волю посредством телесного и духовного самоочищения; закят – милостыня для неимущих мусульман, которая является обязанностью обеспеченных правоверных; и паломничество в Мекку. И последнее: наша религия не обвиняет женщину, то есть Еву, в грехопадении.

– А что там написано про самого Магомета? – спросил Теодор ага.

Капитан был поражён интеллекту молодого отшельника. Однако он считал для себя долгом доказать кокандцу несостоятельность его суждений.

– Про нашего пророка, который, несомненно, являлся наилучшим из людей, но только человеком, рабом и посланником Бога, написано не только в Коране.

– Как это так?! – вытаращил глаза капитан.

– Во Второзаконии Торы, что христиане называют «Ветхим Заветом» написано: «Я воздвигну им пророка из среды братьев их, и вложу слова Мои в уста Его, и он будет говорить им всё, что Я повелю ему». О нём упомянуто в «Новом Завете» и в книге от Иоанна. Пророк Иса во время последней встречи с апостолами сказал: «Истинно говорю вам, что для вас будет лучше, если я уйду. Ибо, если я не уйду, то Утешитель не придёт к вам. Если же я уйду, то пошлю его к вам». Известно, что несохранившиеся оригиналы, как Забура, так и Инджиля, написаны на арамейском языке, а позже переведены на греческий язык. В переводе с греческого «Periklitos» означает «восхваляемый». В арабском этому слову соответствует имя «Ахмед» – одно из имён пророка. Так, прощаясь с апостолами, Иса назвал одно из его имён. В греческом тексте используется «*Paraklitos*», означающее «утешитель». Это слово противоречит правилам греческого языка, является искажением слова «*Periklitos*».

Логика и знание греческого языка, вызывали к кокандцу невольное восхищение со стороны Теодора аги. Но он продолжал упорствовать, не смиряясь с мыслью, что какой-то отшельник способен переспорить его в вопросах, в которых, как он сам полагал, разбирается лучше всех. Грек призадумался, а затем начал:

– Твои слова, может быть и верны. Однако есть отличия христианства, которые делают его превосходным по сравнению с исламом. Да, я не читал Коран, не знаком с хадисами, но про жизнеописание Магомета знаю из трудов мусульманских же учёных. А там написано то, чего не отрицает ни один сарацин. Магомет проливал кровь, грабил караваны, брал наложниц и не раз женился. В отличие от Иисуса, который будучи распятым на кресте, слыша издевательства, произнёс: «Отче наш, прости их, ибо не ведают, что творят». Он был образцом человеколюбия, взявшим на себя грехи рода человеческого. Это первое. Второе: христианское отношение к Богу отличается от магометанского, не страхом и покорностью, а именно любовью. Для нас, Бог и есть любовь и прощение. У нас нет правил, разрешающих рабство и кровную месть. Достаточно вспомнить то, что Магомет распространял ислам силой меча. Третье, – продолжал капитан, загибая пальцы, – наши храмы украшают иконы с изображениями святых и библейских сюжетов, а у вас нельзя рисовать живого человека. Четвёртое: вы, как и иудеи запрещаете свинину, деля пищу на чистую (халяль) и нечистую (харам). Хотя сама пища не может быть нечистой, так как создана самим Господом. Нечистыми в нашей религии могут считаться лишь дурные деяния и поступки. Наконец, пятое: мы с вами по-разному воспринимаем человеческую личность. В христианстве человек обладает свободной волей. Да, Бог знает всё наперёд, но не предопределяет человеческого будущего. Магометанин же лишён свободы, все его действия уже предопределены Аллахом.

Кенан терпеливо выслушал собеседника, задумчиво сплёл пальцы и ответил:

– Мне тоже известно жизнеописание пророка Исы. Сначала позволь мне также по пунктам дать разъяснения на твои комментарии. Первое: набор обвинений в адрес ислама продиктован непониманием тех условий, среди которых создавалась наша религия. Пророк Мухаммед проливал кровь и грабил караваны неприятеля, а именно многобожников с целью защиты зарождавшейся уммы мусульман. Он жил среди диких арабов, где иное поведение было бы попросту невозможным. Или ты – или тебя. Он также имел несколько жён не ради плотских утех, а для их защиты и покровительства. Более того, сами эти женщины считали для себя честью стать его супругами. Это является привычным в культуре семитских народов, арабов и евреев. Так, в гареме пророка Сулеймана были сотни жён. Второе, – продолжал Кенан, – Мусульмане любят Аллаха не от страха, а из-за того, что Он является Вседержителем, позво-

лившим им наслаждаться Его дарами в обоих мирах. Однако любовь к Аллаху, выражаемое через почтение, неотделима от страха перед Его гневом. Она подобна любви чада к родителю. Третье: запрет на изображение живых существ в исламе был связан с изображением языческих идолов, против которых боролся пророк. Но позже этот запрет ослаб, хотя и ныне не приветствуется по той причине, что может стать объектом нежелательного поклонения. Четвёртое: запрет на свинину связан с климатом, когда употребление мяса, являющегося источником заразных болезней, может повлечь за собой отрицательные последствия. И пятое: в исламе человек тоже обладает свободой воли. В нашей религии нет вредных правил, всё зависит лишь от уровня восприятия ими верующего.

Теодор ага долго молчал, глядя на кокандца, а затем озадаченно спросил:

– Откуда у тебя, у мусульманина, столько знаний о чуждой тебе вере?

– В наших медресе дают всесторонние знания не только по шариату, но и также по другим религиям. В исламе образование крайне важно, это правило тоже нашло своё отражение в Коране. А в одном из хадисов сказано: «Ищите знание, если даже оно в Китае». Поэтому у нас грамотности придаётся важное значение.

Глава V

ПРОБУЖДЕНИЕ

*«Каждый человек ошибается, но достоин похвалы тот,
кто, осознав свою ошибку, пытается её исправить»*

Пророк Мухаммед

На рассвете хлопнули, наполняясь ветром, паруса. Корабль, развернувшись в бухте, нырнул в густой туман. Первый день плыли при попутном ветре. Вечером второго дня ветер изменил направление и начался шторм. Всю ночь судно кидало с боку на бок, скрипели мачты. На рассвете шторм приутих, сменившись штилем, который продлился до самого Баку. Море вело себя словно капризный ребёнок.

На горизонте, в туманной дали с низко нависшими серыми тучами протянулась тонкая полоска земли. Это были очертания Шаховой косы – узкого мыса, подобно орлиному клюву Апшерона выдающемуся глубоко в море. Вскоре в сизой дымке тумана Кенан разглядел очертания Баку – морских ворот Азербайджана.

Верхняя часть города была защищена двойными стенами и рвом между ними. С этого места город походил на воронку, рассекаемую хребтами. Вверх по холму ползли кривые улочки, ограниченные по периметру крепостной стеной. В море на расстоянии выстрела из лука, виднелся полузатонувший остров Сабаил. На берегу гордо высилось самое высокое сооружение города – Девичья Башня, чья история обросла множеством легенд. На самом верху этой загадочной башни, на больших бронзовых светильниках горели огни, служившие маяком для кораблей.

Кенан смотрел сверху на рыночную площадь, башню и на бухту с качающимися на волнах судами. На горизонте засияли первые лучи солнца. Озаряя небо и город, амфитеатром раскинувшийся на берегу моря, светило медленно поднималось над морской синевой. Фергани с восторгом наблюдали за завораживающим зрелищем.

К утру корабль бросил якорь в бакинском порту. Вскоре борт затрясся от гула перекликающихся меж собой носильщиков, хамбалов, лениво перетаскивающими грузы на сушу. Вместе с ними на борт степенно поднялся отъевшийся на дармовых харчах таможенный чиновник – рахтар с окрашенной хной бородой и бегающими глазками. Он то и дело давал отрывистые распоряжения, высматривая тюки с товарами так, будто падальщик тушу поверженного животного.

От непривычки колени Кенана задрожали и начали гнуться к земле, когда он в первые минуты находился на суше, сойдя с деревянного трапа корабля. Взяв на плечи нехитрый скарб, умещавшийся в хурджине, кокандец засеменил в верхнюю часть города. Там он надеялся узнать о местопребывании зороастрийцев.

В городе с неприятным климатом, постоянными ветрами, но радушными и гостеприимными жителями издревле проживали разные народы. Кроме тюрок здесь жили таты, евреи, лезгины, курды, арабы. В городе, круглый год обдуваемым северным (хазри) и южным (гилавар) ветрами, царила атмосфера дружелюбия, верности слову и взаимопомощи. Бакинские мужчины выделялись крутым нравом и благородством, женщины – красотой, целомудрием, хозяйственностью. Местные люди ценили острую шутку, хороший стих и берущую за душу музыку.

Здесь под куполом неба мирно уживались мусульмане и христиане, иудеи и огнепоклонники. Они вместе делили радость и горе, совместно справляли свадьбы и похороны. Тут не делили людей на языки, веры и сословия. Мерилом отношения бакинцев к человеку было достойное поведение.

Сам город, несмотря на ветры, полупустынную почву и частую нехватку воды, тем не менее, манил иноземцев своими богатствами. Так, в его окрестностях, в водах апшеронских озёр парили соль, а из колодцев бакинских селений добывали нефть, которую затем грузили в кожаные бурдюки, и продавали по всему Востоку. Нефть как чёрную, так и белую, применяемую в лечебных целях, больше всего добывали в сёлах Балахана и Амираджан, а соль в селении Масазыр. Кроме соли и нефти, доход городу приносили фруктовые сады с инжиром, виноградом и тутовником, гряды с арбузами, высаживаемые в селе Зиря. Бакинские инжир и виноград отличались необычайно сладким вкусом. Оливковыми садами славилось село Зых, и недавно заложенная тюрками, откочевавшими из Ирана, деревня Ахмедлы. Местами улова осетровых и прочих рыб были морские берега и остров Пираллахы.

Летом обычно шумный и многолюдный город заметно пустел. Большая часть жителей вместе с семьями перебиралась на дачи, лучшие из которых находились на северном берегу Апшерона, в селениях Мардакян, Бузовна, Бильгях, Загульба и Шаган. Знатная молодёжь любила собираться на облавную охоту джейранов возле деревень Хырдалан, Сарай и одного из самых древних бакинских сёл – Гала.

На рассвете, когда с моря поднимался туман, город просыпался от криков чаек и протяжных голосов муэдзинов. Рыбаки с балахонами на головах, спускали в воду узкие лодки, пропахшие смолой, а на берегу торговцы развешивали улов.

В центре города, вокруг базара, стояли караван-сарай, пропахшие пряностями, шафраном и дымом жаровен. На бакинском базаре можно было увидеть товары из разных концов света. Здесь продавались шёлк из Ширвана и Тебриза, хлопок из Ферганы, шерсть из Рума, атлас из Мавераннахра, посуда и ювелирные изделия из Ирана, стекло из Ирака, лекарства, драгоценные камни и специи из Индии, бумага из Самарканда, фарфор, чай и порох из Китая, ладан из Йемена, кофе из Египта, меха, кожи, воск из русских княжеств и оружие из Дамаска. В Баку кроме нефти, соли и сухофруктов продавали шафран, выращиваемый в селении Бильгях.

Город окружала цепь четырёхугольных небольших крепостей-башен, которые выполняли роль передачи сигналов во время наступления неприятельской армии. Эти крепости недавно были сооружены в селениях Рамана, Нардаран и Мардакян. Сама бакинская крепость считалась одной из самых мощных в Азербайджане.

Превосходное знание языков облегчало жизнь Кенану, позволяло добывать себе пропитание, и не раз выручало в щекотливых ситуациях. А в Баку, где население, за исключением окрестных сёл, разговаривало на тюркском языке, ему было легко. Но местный диалект отли-

чался не только от языка карлуков, кыпчаков и туркмен. Кокандцу понравился местный говор, насыщенный фразами, придумываемыми жителями. В Баку был развит поэтическо-музыкальный жанр – мейхана. Во время его исполнения самоучки, импровизируя, соревновались друг с другом, сочиняя на ходу рифмы на злободневные темы. Их исполняли в тавернах, мейхане, откуда и произошло название этого жанра.

Однако в Баку Кенана ожидали не только радости, но и разочарования. Первым из них стала весть о том, что местная община зороастрийцев бежала в Индию. По наущению мулл, местный правитель распорядился разрушить их молельню у горы Янардаг, а самих разогнать. Фергани был разочарован, не знал, что предпринять дальше. Сердобольные соседи по караван-сарая, где он остановился, перебивая друг друга, посоветовали обратиться за помощью к дервишам. Рядом с ними он не останется без куска хлеба, заверяли они. Фергани пришлось прислушаться к их совету. На следующий день кокандец направился к мюридам тариката хальветийя, проживавшим за чертой города, в селении Халифадамы.

Тарикат хальветийя был основан в Азербайджане. Его основателем был Омар Сираджеддин, родом из Шемахи, чьим учеником был выдающийся учёный Сейид Яхья Бакуви. Успех учения объяснялся тем, что оно выражало чаяния народа, и содержало в себе скрытый протест против властей. Тарикат получил широкое распространение и превратился в идеологию ширваншахов. Даже шейх-уль-ислам и визирь Ширвана – Садраддин Азам был мюридом хальветийя.

В Баку одно из его обителей находилось на острове Пираллахы. Привыкшему вести подвижный образ жизни Кенану, их учение было чуждым. Однако других влиятельных тарикатов в Ширване не было, и Кенан напросился стать их саликом. После бейата (клятвы верности) ему вручили хирку, кяшкуль и предоставили когуш с оконцем, откуда открывался вид на море.

Среди суфиев хальветийя Кенан прожил около двух лет. Эти годы изменили его не только внешне, но и внутренне, укрепили волю, очистили разум, залечили раны, нанесённую позором и унижениями. За это время в лучшую сторону изменился и нрав кокандца. Гордыня, самонадеянность и тщеславие покидали его.

Однако всего этого кокандец достиг не сразу. Разочарование настигло его, когда пир местной обители велел ему работать на маслобойне. Тогда как сам Фергани, надеясь на учёность и знание языков, рассчитывал на работу переписчика книг. Но возражать устату не было смысла. За провинность и непослушание перед саликом навсегда закрывались двери обители. Кенан хорошо это понимал, ему было некуда деваться. Кроме того, пройдя не один удар судьбы, он не хотел пережить очередной позор на чужбине, тем самым, вновь отдалить себя от заветной цели. Волей-неволей Фергани пришлось покориться течению судьбы.

В островной обители царили железная дисциплина, выраженная в распорядке дня и строго определённом для каждого суфия, начиная от салика до самого пира, круге ежедневных обязанностей. Носить дрова и отвечать за отопление входило в обязанность одного; готовить еду – на второго; стирать – на третьего; убирать обитель – на четвёртого и так до последнего дервиша. Никто не ел хлеб даром.

Помимо этого, обязанностью суфиев было совершение ежедневных единичных и коллективных намазов; участие в коллективных зикрах и учёных беседах. Всё это Кенан выполнял добросовестно. При этом он продолжал вести записи в дневнике. День его проходил не только в молитвах и зикрах, но и в неустанном труде. Утро он открывал задолго до рассвета, а день заканчивал за полночь.

Однако вначале кокандцу пришлось несладко. Но ему пришлось, стиснув зубы, подавить в себе гордость, сдирать с тюленей кожи, вынимать внутренности, очищая их от жира. При этом задышаться от вони и в зимнюю стужу, и в осенние ветры, и в весеннюю распутицу, и в летний зной. Из тюленьего жира, продажа которого на рынке составляла основной доход обители, изготавливали мыло и лекарства.

Воля и смирение дало свои всходы, и через некоторое время Фергани привык к своей ежедневной работе, не чурался невыносимого запаха. В этом ему помогло непрерывное повторение зикра – Ля иляха иллялах, которым он совмещал работу. Всё это не ускользнуло от внимания устада, который поручил ему работу плотника, чинившего лодки для рыбаков. Таким образом, он сумел пройти первое испытание.

Следующее испытание ему пришлось пройти через три месяца. На этот раз ему поручили обмывать покойников в местной мечети. Занимаясь этим целый месяц, Кенан воочию видел смерть, осознал неизбежность кончины всего живого на свете, научился ценить осмысленную жизнь, полную добрых деяний. Он не только понял суету и тщетность бренного мира, но и также всем своим существом познал смысл бытия. Смысла, заключённого в оставлении следа на свете, которое соединяет душу человека с Вечностью. Тело умирает, а душа вечна, сливается с Создателем, оставляя лишь имя. Доброе или худое – выбор самого человека. Нравственное перерождение послужило Кенану на пользу. Его возвысили до ступени мюрида.

Успешно пройдя второе испытание, Кенан удостоился быть принятым самим пиром. Старец на сей раз вменил кокандцу обязанность садовника при ханака. Эта была нелёгкая работа, учитывая солёность почвы, нехватку пресной воды и частые ураганы. Однако Кенан полюбил свою новую работу. Он с наслаждением вскапывал глинистую землю, заботливо ухаживал за хрупкими саженцами, вовремя поливая их пресной водой, которую чудом доставал из колодца, находящегося в селении Гала. Он носил эту драгоценную влагу на деревянных кадках пешком целый фарсах. Ему доставляло удовольствие наблюдать за тем, как наливается соками виноград – шаны, как робко всходят побеги инжира и как краснеют на осеннем солнце короны плодов наполовину кисловатого (мейхош) граната.

Тяжёлый физический труд укреплял волю молодого кокандца, и медленно, но, верно, приближал его к заветной цели. В здоровом теле – здоровый дух, не раз он вспоминал слова Зия Термези. Садовником ему довелось поработать год, наблюдая за прихотями капризного апшеронского климата.

Однако любое начало имеет свой конец. По происшествии полутора лет своего пребывания в обители, Кенан чувствовал, что уже достаточно пробыл здесь, настала пора снова пуститься в дорогу. Порой, когда ему выпадала редкая возможность досуга, оторвавшись от чтения, Фергани грустно глядел через оконце, натянутое бычьим пузырём, на волны Каспия. Погрузившись в размышления, он смотрел на море, представляя себе другой берег. Там простирались Каракумы, за ними, по ту сторону Джейхуна лежал Мавераннахр, а ещё дальше, родная Ферганская долина, милый сердцу Коканд, который он покинул много лет назад в поисках счастья. Там жила, вернее, доживала дни его постаревшая матушка, с кем он переписывался в течение долгих лет, и по которой скучал так же сильно, как и по родному очагу.

Жизненные испытания подобны школьным экзаменам с той разницей, что они намного тяжелее. Не зря древние турки говорили, что «герой не рождается сразу, как и сталь не становится крепкой без закалки». Так постепенно закалялся и Кенан, с честью пройдя очередное испытание. Но впереди его ждали новые трудности. И такой трудностью стало предложение пира пройти вместе с ним пешком до скал Гобустана, находящимися на трёхдневном пути от обители.

Эти три дня стали для кокандца настоящим экзаменом, по сравнению с которой служба в армии, бедность, лишения последних лет и предшествующие испытания в обители, показались ему детской забавой. Они пешком, в абсолютном молчании прошли через сёла Гала, Говсан и Ахмедлы; переплыли розовое озеро Беюк Шор; переправились через холмы Гюнешли и низину Гарачухура; пересекли весь берег Бакинской бухты при сильном урагане. Только добравшись до мечети Биби Эйбат, построенной на склоне безводной горы рядом с обителью дервишей – Шыхлы, пир решил воспользоваться осликами, чтобы на них проехать оставшуюся часть пути. Всю дорогу они обходились куском заплесневшего хлеба и чашей солоноватой воды. Во время

сна ложей им служила голая земля, подушкой – кишасшие змеями камни, а одеялом ветхие плащи с расползавшимися дырами. Мюрид не имел права раскрыть рта, ибо заранее дал обет молчания. Вдобавок, старец заставлял мюрида ходить босиком и мыться холодной водой озёр. А однажды оставил его наедине с разбойниками, осевшими в долине Алатава, когда те избили кокандца.

Но и это ещё было не всё. Во время остановки в одном придорожном мейхане у камышовых болот Дарнагуля, старец чуть было не силой заставил Кенана выпить вина. Затем устэд повёл не подозревающего ни о чём кокандца в один из портовых кабаков города, где предложил ему сыграть в нарды на полный кошель серебряных монет, небрежно брошенные им на стол. После этого он повёл мюрида в мейхане, обустроенной глубоко под землёй в окрестностях грязевого вулкана Локбатан, где задешево продавали любовь пленницы неопишуемой красоты.

Одной из них оказалась... повзрослевшая, но не потерявшая былого очарования Алиа. Она развлекала публику танцами, скрывая ото всех своё происхождение. И то, как сбежала из дворца индийского раджи с его нукером, но по дороге попала в лапы разбойников, продавших её на невольничьем рынке. На спине девушки было выжжено тавро распутницы. Воистину пути Аллаха неисповедимы, думал Кенан, глядя на насурьмлённое и набеленное, как штукатуркой лицо, так и не узнавшей его Алии. Воды реки утекли безвозвратно, было уже поздно что-либо изменить...

Фергани с честью выдержал все испытания, целым и невредимым добрался до Гобустана. Здесь они взобрались до скал, где в незапамятные времена были выбиты рисунки, изображающие жизнь обитателей этого края. Пир сказал:

– На этих скалах изображена целая жизнь многих поколений. О них мало кому известно. И это хорошо, ибо невежественные люди могут стереть следы истории. С другой стороны, эти непростительные рисунки противны нашей религии.

– Простите, устэд. Мне кажется, целью нашего визита к этим рисункам является не только их лицезрение. Осмелюсь предположить, что у вас ко мне есть вопрос.

– Ты прав, мюрид. Я хочу услышать твоё мнение по поводу этих изображений.

– Устэд, – начал Кенан, – осмелюсь считать себя мусульманином. А наша вера запрещает ложь, считая его одним из больших грехов. Я не солгу, если отвечу, что наличие запрета на изображение живых существ не должно выходить за разумные пределы. При условии, что оно не нацелено на идолопоклонство. Если смотреть на них с чистыми помыслами, можно увидеть, что они воспевают красоту, передают знания из поколения в поколение. А уничтожать красоту и знания – тоже грех.

В ответ пир тонко улыбнулся, и смерил мюрида пронизательным взглядом. Он и на сей раз остался им доволен. Кенан выдержал испытание на лицемерие, как и ранее на подавление страстей. Последнее испытание его ждало впереди.

После возвращения из Гобустана, пир пригласил к себе мюрида, задал ему ряд вопросов, немного побеседовал с ним, и велел ждать в особой комнате, называемой чилехане. Это был тёмный, сырой когуш в подвальном помещении ханаки. Здесь в полном затворничестве на одном хлебе и воде до десяти дней проживали суфии, решившиеся убить в себе плотские искушения, целиком посвятить себя служению Аллаху. Словом, пройти через мучительное духовное пробуждение, чего до сих пор удавалось лишь единицам. Для кокандца этот срок составил сорок дней!

Сорок дней затворничества для Фергани прошли как в страшном сне. Он то и делал, что заполнял вынужденный досуг молитвами и зикрами в крошечной тьме, занимался физическими упражнениями, ел и спал, привыкая к обществу крыс. Его нух был забит смрадом пота и нечистот, шевелюра спутана, борода всклокочена, а покрасневшие глаза опухли от недосыпания и частых слёз. Причиной горьких слёз была боязнь не выдержать последнее испытание, страх наказания за грехи, а также неприятные воспоминания прошлого, стыд от которых

сжигал нутро. Вдобавок, из-за голода, недосыпания и переживаний, у него начались миражи. Впервые Кенан столкнулся с видениями, где увидел свои деяния со стороны. Он терял счёт времени.

Наконец, скрипучая дверь медленно открылась. Обессиленный Кенан вначале зажмурил глаза от яркого света, затем потерял сознание...

Успешно пройдя все испытания на зависть недолюбливающим его дервишам, Кенан мог ходить с высоко поднятой головой. Но его голова склонялась всё ниже и ниже. Пословица: «чем больше плодов на дереве, тем ниже гнётся его макушка», отныне превратилась для кокандца в образ жизни. Он старался отягощать себя плодами знаний. Ему доверили переводить труды с арабского и фарси на тюркский язык. Но судьба распорядилась так, что Кенану пришлось отдалиться от книг.

Однажды уstad позвал к себе кокандца, и указал на место рядом с собой:

– Пирдаш, мы довольны твоим усердием и рвением. Самосовершенствование и очищение души от мирских благ, сопряжённое образцовой скромностью, не могут не радовать нас и послужат примером для саликов. А учитывая твоё прошлое, – при этих словах, он так взглянул в глаза кокандца, что тот на миг съёжился от стыда, – достижения твои достохвальны. Настало время дать тебе новое поручение.

– Готов пожертвовать собой на вашем пути.

– Спасибо, пирдаш. Мы в этом не сомневаемся. Однако, прежде чем дать тебе это поручение, хотелось бы услышать твои ответы на три вопроса. Первый вопрос: что есть везде и всегда, но в нём нет никого и никогда?

– Всемогуший Аллах – властелин всего сущего на свете.

– Чего познаёт всякая живность во Вселенной?

– Начало и конец, иными словами, рождение и смерть.

– В чём разница между вечностью и бесконечностью?

– Различие между вечностью и бесконечностью в том, что бесконечность не имеет конца, но обладает началом. Вечность же не имеет ни начала, ни конца. Бесконечность может состоять из повторения бесчисленных циклов каких-нибудь явлений. В то время как вечность лишена этого, равно как и измерений.

Неделю назад из столицы, Шемахи, пришло письмо от Садраддина Азама. В письме визирь просил отправить к нему добродетельного, образованного человека для дипломатической миссии особой важности. Недолго думая, старец остановил выбор на кандидатуре Фергани.

Тронулись в путь затемно. Весенняя распутица затрудняла движение, кони и верблюды увязали в липкой грязи. Ко времени заката караван ускорил ход. Все, даже животные, знали, что скоро будет вода и отдых, поэтому задвигались веселее. Вечер был безветренный. Морозящий дождь прибил докучливую пыль. Кругом запылали костры, доносился запах жареного бараньего сала.

Согласно древним тюркским обычаям, зажаренный баран или другое животное разнимаются на части по особым правилам. Туша разрезается пополам – правая и левая сторона, а эти половины, в свою очередь, делятся на двенадцать или двадцать четыре куска, по числу едоков. Рядом с целым блюдом перед гостем в обязательном порядке ставится чётное количество кусков хлеба (нечётное – только в поминальных траурных столах). Любая трапеза начинается и заканчивается благодарственной молитвой – дуа, после чего все совершают салават. Затем самый старший за столом делит пополам хлеб, передав половинки сидящим по правую и левую руку от себя. Лишь после этого все сидящие за столом молча начинают трапезу. Обязательным атрибутом любой трапезы являются кувшины с водой и салфетки, которыми моют и вытирают руки. Каждая трапеза начинается и заканчивается чашкой чая.

Всё это было знакомо Кенану. На его родине были такие же обычаи и традиции, говорили на том же языке, правда, с небольшими отличиями, исповедовали ту же религию. Так же мыслили. Кровное родство давало о себе знать на каждом шагу. Но были отличия. Например, азербайджанский кебаб кокандцу показался вкуснее, чем туркестанский. А к местному плову, где зирвак готовили отдельно от риса, он не мог привыкнуть. Но это было незначительным по сравнению с его ожиданиями в стране, где каждый день Кенан открывал для себя что-либо новое. К примеру, за время пути, проезжая через безводную Гобустанскую степь, Кенан многое узнал о Ширване, о его истории, жителях и правителе – ширваншахе Ибрагиме. Многие он узнал от старца, ведущего затворническую жизнь в пещере, вблизи села Мараза.

Кенан узнал, что со времён монгольского нашествия, чёрные тучи покрыли небо Ширвана, страдавшей как от пожара войн, так и от голода и болезней. Население некогда богатой и многолюдной страны сократилось вдвое. Монголы до основания разрушали города, вытапывали нивы, засоряли каналы, сжигали пашни, рубили сады, виноградники под пастбища. Торговля замерла, лучшие ремесленники были угнаны в Монголию, а учёные и поэты либо убиты, либо брошены в зинданы. Всё это продолжалось до тех пор, пока чаша народного терпения не переполнилась.

Тогда самые уважаемые аксакалы и знатные беки, посоветовавшись между собой, решили передать трон ширваншахов, потомку эмиров Дербента, Сеид Ибрагиму. Сам Ибрагим в то время скрывался под видом райята в окрестностях Шеки. Ради спасения Ширвана ашрафы поехали к нему.

Они отправились к Ибрагиму с шахскими конями, что было знаком власти, и нашли его спящим под деревом недалеко от вспаханной пашни. Они повели себя как шахские слуги, установили зонт над его головой, а затем отошли в сторону, дожидаясь его пробуждения. При пробуждении, они приветствовали его и дали клятву верности – бейат. После этого его привезли в Шемаху и посадили на трон ширваншахов. Произошло всё это три года тому назад.

Однако небольшой, только-только начавший восстанавливаться после долгой анархии Ширван, не мог противостоять силе джахангира Востока. Того, который подобно огненному смерчу прошёлся по всему Туркестану и Ирану, и остановился у границ богатого Азербайджана. Для Тимура Азербайджан был лакомым куском, бесценным алмазом в короне его многочисленных завоеваний.

Видя явную несоразмерность сил, не желая подвергать пострадавший народ Ширвана новым бедствиям, благоразумный ширваншах принял трудное решение: он лично явился в ставку Великого Эмира в Султанье. На этот шаг его сподвигло и то обстоятельство, что с севера Ширвану угрожали ханы Золотой Орды. Три года назад хан Тохтамыш совершил набег, дойдя до Тебриза. Выбирая меньшее из двух зол, дальновидный шах отдавал предпочтение Тимуру.

Ибрагим велел произнести в Шемахе пятничную хутбу на имя Тимура. Затем он отчеканил монеты на имя Эмира, после этого прибыл к нему с богатыми дарами. По древнетюркскому обычаю количество преподнесённых даров по каждой вещи должно было составить девять, однако число рабов оказалось восемь. Когда у него спросили причину этого, ширваншах ответил: «девятый я сам». Довольный таким ответом Тимур признал Ибрагима правителем Ширвана, и повелел наследникам беречь его потомков. Таким образом, ширванская земля избежала разорения.

Шемаха стояла в сердце гор, как драгоценная чаша, обрамлённая изумрудными холмами. С юга доносились ветры, напоённые запахом полыни и луговых цветов, а с востока и запада тянулась пыль караванных путей.

Дворы в городе были выложены мраморными плитами, омытыми весенними ливнями. Между домами росли гранаты, алыча и чинары, чьи листья шелестели под ветром так, словно тысячи невидимых ладоней молились о спасении Шемахи от землетрясения. Ибо город был

печально известен частыми землетрясениями. Однако каждый раз город вновь отстраивался, становясь краше прежнего.

Шемаха жила поэзией. В её чайханах, расположенных в квартале Сарыторпаг, звучали рубаи Фелеки Ширвани, касыды Хагани и газели Насими, несущие тоску по недостижимой Любви. Здесь знали цену мудрому слову, каждый камень хранил отголосок стиха. Поэзия была в чести даже в стенах величественной Джума мечети – одного из самых старых мусульманских храмов в Азербайджане. С высоты купола этой мечети можно было разглядеть башни крепостей Гюлистан и Гала Бугурд.

Особое место в жизни города, несомненно, занимал огромный базар, бывший старше самого Великого Шёлкового пути. На прилавках радовали глаз узорами карабахские ковры, у ювелиров переливались драгоценные камни, у кузнецов стучали молотки, холодным способом отливая нержавеющей металл.

Среди посуды, которой торговали на базаре выделялись изделия из лужёной меди с тонкой чеканкой, изготавливаемые искусными мастерами из горного селения Лагич, расположенного в десяти фарсах к северу от Шемахи.

На городском базаре также торговали прославленными на весь мир местными сортами шёлка, считающимися лучшими на свете. На весь мир были прославлены знаменитые кялаган – азербайджанский женский головной убор, представляющий собой шёлковый платок из некрученых нитей с набивными узорами в форме бута.

В соседнем квартале торговали лошадьми. Рынок был наполнен цокотом копыт и ржанием животных. Остро пахло конским потом и навозом. Каких только нельзя было увидеть здесь скакунов. Статные арабские, туркменские кони, не уступающие им порывистые скакуны с кавказских гор и быстроногие мерины из анатолийских степей. Также продавались одnogорбые верблюды из аравийских пустынь.

Только прибывший вместе с купеческим караваном из Баку кокандец вместе с путниками спешил посмотреть на торжественный въезд шаха в город. Пройдя ворота второй стены, отделившей пригород от внутреннего города – шахристана, путники свернули с шумной улицы на безмолвную площадь, окружённую арками мечетей и медресе. Здесь на площади проходила торжественная молитва. Ряды молящихся, выровнявшиеся, как строки священной книги, стояли неподвижно, следя за движениями седобородого имама. Молящиеся то поднимали вслед за ним ладони к ушам, произнося «Аллаху Акбар», повторяли аяты из Корана, то сгибали спины в поклоне. Когда имам опускался на колени, склоняясь лбом к земле, тысячи людей повторяли за ним его движения.

Большинство молящихся были суннитами. Но среди них встречались и шииты, которые склоняли лбы не к земле, а к специальной печати, мохур, изготавливаемой из земли Кербела. След мохура оставлял чёрные отметины на лбах молящихся. В отличие от других мусульманских стран, в Ширване, как и во всём Азербайджане в целом, не было противостояния между различными мазхабами.

Тем временем, большая часть города ожидала торжественного прибытия свиты шаха Ибрагима. Вскоре глашатаи возвестили о прибытии ширваншаха.

Городские ворота раскрылись, на откормленных жеребцах пара за парой стали выезжать всадники в полосатых кафтанах, со сверкающими золотом саблями. Шах Ибрагим, дородный и величественный, в красном одеянии, в белой чалме на голове, украшенной сверкающими алмазными нитями, сидел на белоснежном иноходце с богатой сбруей. Малиновый парчовый халат правителя, пояс и сабля, украшенные яхонтом, блестели на солнце. Впереди скакал знаменосец с шахским тугом.

Встречные падали ниц, склоняясь головой до земли. Они не имели права взглянуть на правителя. Купцы, услышав рёв труб и грохот барабанов, вытаскивали из лавок ковры и расстилали их по пути следования ширваншаха.

Ибрагим привык к восхвалениям. Его равнодушный взор скользил по спинам, склонившимся к копытам его коня. На его опухшем от бессонницы лице нельзя было ничего прочесть. Перед воротами дворца придворные в праздничных халатах взяли под уздцы коня. Ширваншах соскочил с седла на разостланную перед ним ковровую дорожку. Затем он поднялся на ступени террасы с тонкими резными колоннами и, пройдя мимо согбленных спин придворных, вступил в покои дворца. Перед ним вырос евнух с одутловатым лицом. Низко поклонившись, он вполголоса пробормотал пару слов. После чего шах направился во внутренние покои дворца.

Шах сделал несколько шагов вперёд. В полумраке комнаты с отполированными деревянными стенами и решетчатыми окнами светилась золотой парчой фигурка. Эта была любимая наложница Ибрагима, родом из северных земель. Она часто развлекала шаха рассказами про приключения Джыртдана и Тепегёза, пела ему задушевные песни, читала отрывки из «Китаби Деде Коркуд» и поэм Низами.

Немудрено, что знающий цену прекрасному, шах предпочитал эту красавицу остальным жёнам. Поэтому, когда евнух сообщил ему о том, что у хатун есть для его величества важное сообщение, он первым делом направился в её покои.

Приглашение шахской любимицы действительно было не напрасным. Так, во время отсутствия шаха во дворце бдительные служанки его старшей жены, матери наследника, заподозрили в странном поведении одну из невольниц. Проследив за ней, выяснили, что оказывается эта девица тайком встречалась с писцом из шахской канцелярии. Наложница передавала ему послания, где сообщала о новостях, слухах во дворце. А писец, в свою очередь, передавал эти сведения на базаре дервишам, которые, как выяснилось, оказались шпионами (джасус) ардебильских шейхов. Эта весть, подкреплённая доказательствами, заставила шаха призадуматься.

Город Ардебиль был духовным и политическим центром тариката Сефевийе, возникшего полвека назад. Его шейхи, основатель Сефиэддин и сын Садраддин Муса расширяли владения, приобретая земли вокруг Ардебиля; создавали армию из преданных суфиев; формировали органы управления; использовали дервишей, отправляя их в качестве своих тайных агентов в сопредельные страны.

Однако главным оружием тариката были финансы. Умело пользуясь услугами богатых еврейских ростовщиков, находившими безопасный кров в Ардебиле, они при их посредничестве ссужали мелких и средних беков, купцов и улемов золотом. Благодаря деятельности, запрещённой в Коране, как греховной, шейхи разбогатели за короткий срок. Настолько, что начали выдавать ссуды, обходя запрет такими приёмами, как продажа с наценкой и совместный вклад, даже правителям соседних земель. Некогда одним из таких должников был сам ширваншах.

На заре своего правления ввиду пустой казны, необходимости восстановления разрушенной страны, а также на содержание армии Ибрагим был вынужден занять у шейхов приличную сумму. Благодаря разумной политике, он смог рассчитаться с долгом раньше срока, что не устраивало шейхов. Ибо находящийся в зависимом положении северный сосед был для них менее опасен, чем процветающий.

Подобно детёнышу льва, только набирающий силу Ибрагим, чтобы ограничить пагубное влияние южных соседей, решил противопоставить им суфиев хальветийя, которые расстраивали козни джасусов. Но шахская казна не могла соперничать в богатстве с ардебильской. Шах не мог себе позволить испортить отношения как с Джаларидами, так и с Тимуром, покровителями Сефевидов.

Именно для этой цели в Шемаху был отправлен Кенан Фергани. Его знакомство с устройством державы Тимура, осведомлённость о намерениях Эмира и знание языков, сыграло свою роль, когда Садрадину Азаму понадобился посол к шейхам. Благородное происхождение, манеры, образованность и умение, как очаровывать, так и убеждать собеседника, стали счастливой звездой кокандца.

Однако сам Кенан лишь смутно подозревал об истинной цели своего приезда в Шемаху, строя по этому поводу разные догадки. Лишь на следующий день, когда запыхавшийся нукер велел ему пойти вместе с ним к Садрадину, он предположил, что шейх-уль-исламу понадобились не привезённые им подарки, а он сам.

Золотистого цвета флаг с изображением меча и льва гордо развевался на ветру рядом с шахским дворцом. Флаг берегли знаменосцы – байрактары, в обязанности которых вменялось держать священный символ Ширвана в надлежащем порядке. К древку флага был прикреплен бунчук из конских хвостов – знак шахской власти.

Кенан с нукером прошли через ворота, украшенные мозаикой из бирюзовой и золотистой плитки. На арке ворот тонкой куфической вязью были выгравированы слова Аят уль-Курси и 99 священных имён Аллаха – Асма-уль-Хусна. Ворота вели в просторный двор, вымощенный плитами из белого мрамора, чередующегося с чёрным базальтом, образуя узор в форме шахматных клеток.

Пройдя двор, путники вошли в зал дворца, резной потолок которого наверху суживался овальным куполом, крытым зелёной глазурованной черепицей. Стены были выложены нефритовой майоликой с растительными орнаментами. Между плитками мерцали линии сусального золота, а у подножия стен тянулся пояс из резного мрамора с каллиграфией – изречениями из Корана и стихами Хагани.

Витражные окна из цветного стекла (шебеке), присущие апшерон-ширванской архитектурной школе, создавали ощущение сказки: при свете дня залы озарялись красными, синими, янтарными и зелёными бликами, переливы которых ложились тенями на пол и стены зала, словно живые узоры.

Вдоль стен стояли низкие диваны, обтянутые бархатом и парчой, с шёлковыми подушками. На одном из диванов восседал шейх-уль-ислам. Его небогатая одежда, лишённая каких-либо украшений и знаков отличия была более чем скромна, что поначалу удивило Кенана. Вскоре кокандец понял, что шейх был суфием не только по титулу, но и по образу жизни. Рядом с ним не было никого кроме чернокожего слуги с кольцом на носу, который, положив поднос с чашкой чая и блюдо с халвой на резной столик, отошёл в сторону, ожидая от господина новых распоряжений.

Не обращая внимания на приветственные фразы кокандца, шейх знаком руки попросил его отдать ему деревянный кяшкуль, торчавший из-за шерстяного пояса. Удивлённый Кенан выполнил просьбу, а когда Садрадин отодвинул, незаметно вдетые друг в друга две половинки, то его удивление возросло вдвойне. Оно выросло больше, когда шейх вынул из их внутренности, сложенный вчетверо кусок бумаги, на котором было написано лишь два слова: «Верь ему», написанные от руки старца из Пираллахы. Только теперь Фергани понял истинную цель приезда в Шемаху.

Немногословный визирь, буравя Кенана пронзительным взглядом, в сжатых выражениях объяснил ему суть задачи. Кенану необходимо было отправиться в качестве посланника ширваншаха в Ардебиль, ко двору Сефевидов, и побыть там до тех пор, пока он не добьётся заключения союза между ними и Ширваном.

Кенан понимал, что превратился в мишень. Его, как иностранца выбрали не только из-за талантов, но и потому, что им можно было пожертвовать. Для шаха каждый подданный был

ценен, он не желал подвергать их риску. Тогда как Фергани для него был чужаком, кого можно было бы отдать в руки врагов в случае неудачи.

С другой стороны, этому неожиданно выпавшему на его долю зигзагу судьбы Кенан радовался как никогда. Во-первых, после долгих лет он получал возможность прибыть к ардебильским шейхам в качестве посла ширваншаха. Тем самым, мог бы осуществить заветную мечту: раскрыть тайну «Света Тени». Во-вторых, доверие, которое ему оказывал шах, давала возможность продемонстрировать свои таланты, увидеть новые края, и наполнять сосуд любознательности новыми знаниями. Как говорилось в хадисе: «Ценность человека в этом мире заключается в степени его полезности для других людей». Сам Аллах, предначертающий судьбы творений на небесных скрижалях – лавх аль-махфуз – указывал ему верный путь.

Вечером следующего дня тот же самый нукер сообщил Кенану, что ширваншах Ибрагим оказывает ему честь принять его за завтрашним обедом во дворце. От волнения Кенан всю ночь не сомкнул глаз, ворочался с бока на бок на своём тесном ложе в караван-сараях, думая о предстоящей встрече. Отоспавшиеся соседи застали его утром с покрасневшими глазами и осунувшимся лицом.

В полдень, когда с минаретов города послышался азан к молитве зухр, за ним заехали два молчаливых шахских нукера, больше похожих на сказочных богатырей на лошадях с богатой сбруей. Они велели ему следовать за ними.

Его повели через анфиладу множества комнат и галерей с низкими дверными проёмами до тронной залы. За тронным залом находились прохладные галереи, ведущие в эндерун. Галереи были обрамлены арками со сталактитовыми сводами (мукарнас). Стены украшали охряные росписи и изображения цветущих деревьев и птиц. Здесь нукеры оставили Кенана у окна, выходящего в сад.

В задней части дворца, примыкающего к склонам Лянгябизского хребта, был разбит сад, где журчали фонтаны, росли миндальные деревья, а по краям дорожек благоухали заросли роз и шиповника. В воздухе витали ароматы ладана и амбры. В центре сада был вырыт бассейн, окружённый тенистыми ивами и буками. В воде, поступавшей в бассейн из ручья в Пиркули, плавали рыбы и лебеди.

Возле бассейна на скамейке сидела невысокая девица. Она брала из чашечки крупинки варёного риса и бросала их крошечным рыбкам. Кенан заметил её, но тут же отвернулся. Смотреть на чужих женщин было немыслимо. Тем не менее, он успел заметить её необыкновенную внешность.

Прямой стан её напоминал кипарис. Роскошные волосы, вобравшие в себя всё золото солнечных лучей, волнами рассыпались по плечам, и были затянуты у лба ободком, с которого свисали монеты. Выразительные голубые глаза напоминали сияние морской глади, а белоснежная, изумительной нежности кожа переливалась на солнце, как снег на рассвете. Лицо её было овальным, с высоким лбом, прямым носом и тонкими губами. Скулы украшала россыпь веснушек, подобных цветочной пыльце на лепестках. Фигура была идеальной, а тонкую талию скрывало холстяное платье. Издалека юная наложница источала аромат мёда и розовой воды. У Кенана перехватило дух при виде неземной красоты. Он даже не заметил окликающего его гуляма, строго повелевшего ему следовать за ним в сад.

Кенан встретился с шахом в красивой беседке, затерявшейся среди большого сада. Когда они выпили чашку золотистого чая, а слуга удалился, шах вполголоса отдал короткое распоряжение. Настала пора трапезы.

Слуги принесли низкие столики с едой. На золотых и серебряных подносах были жареные цыплята, голуби, особо запечённая рыба, дымящийся пирог, пити. И ещё корона азербайджанской кухни, ароматный фесенджан плов с кишмишом, курагой, алычой, приправленный шафраном. А в дверях уже толпились гулямы с фруктами. Во второй перемене блюд, а их

кокандец насчитал семь, подали долму, кебабы не только из мяса баранов, а и осетровых рыб, фазанов, перепелов и овощей, начинённых курдючным жиром, сдобренных свежей зеленью и специями.

Шахский повар ловкими движениями разрезал целиком зажаренных баранов, клал их на фарфоровые блюда. Острая приправа из перца, орехов и миндаля, как огонь, обжигала рты. Кенан то и дело запивал еду холодным айраном.

После вкуснейшей и сытной трапезы, больше похожей на пиршественную, при этом проведённую в полном молчании, наступило время традиционного чаепития. Шах, подняв ладони, произнёс дуа и провёл кончиками пальцев по бороде. Кенан тоже повторил молитву, совершив салават. После этого по распоряжению гуляма, прислуживающего за столом слуги принесли полные сини (подносы) с чашками золотистого чая, приправленного чабрецом и серебряными блюдцами, на которых красовались пахлава, шекербура, гогалы, мутаки, леденцы ногул в розовой воде, кята, бадамбура и шекинская халва. Внимание кокандца привлекли каша фирни и разноцветные фруктовые пастилы, приготовленные в форме лаваша. Кенан вслед за шахом отведывал от блюд, и не мог не восхититься их неповторимым вкусом.

Когда пришёл черед свежих фруктов и гранатового шербета, шах, надкусив от губинского яблока – гызыл ахмеди, молча рассмотрел кокандца и спросил:

– Хоть ты и молод, но умён не по годам, к тому же знатного рода. Кроме того, ты сменил доблесть воина на поиск вечной истины, что тоже похвально и чего мало кто способен осилить. Мне известен ваш вчерашний разговор с визирем. Однако есть кое-что, о чём мне хотелось бы узнать лично от тебя, искатель знаний. Что тебя привело в нашу страну, с какой целью ты хотел поехать в Ардебиль?

– Покорный слуга не достоин столь щедрой похвалы от милостивого шаха, да продлит Аллах дни его жизни на сто лет, – приложив руку к груди сказал Кенан, – Я давно стремлюсь попасть в Ардебиль. Целью этого стремления является поиск неведомой истины, ключ к которой находится в руках почтенных шейхов.

– Мы можем предоставить тебе эту возможность, чтобы ты смог исполнить свою мечту. Если будешь со мной правдив, я щедро награжу тебя, – при этих словах шах снял с мизинца золотой перстень с ярко переливавшимся на солнце рубином и протянул его побледневшему кокандцу, – Ты будешь служить на благо Ширвана. Но если окажешься лгуном и предателем, то нам не о чем будет говорить.

– Служба шахам имеет две стороны: одна – надежда на хлеб, а другая – страх за свою жизнь, – склонив голову, ответил Фергани.

– Слова великого Саади Ширази, – заметил ширваншах.

– Да, повелитель. Служить вам великая честь. Но как шах изволил заметить в начале беседы, я дервиш, сменивший меч и доспехи на перо и книги, и посвятил жизнь поиску истины. Поэтому осмелюсь попросить не возлагать на меня ношу, которую не смогу выдержать.

– Хорошо, – задумчиво теребя бороду, произнёс шах, – В таком случае ответь, сможешь ли ты выполнить наши поручения на севере, а затем поехать в Ардебиль для особой миссии? Сразу скажу, что миссия эта будет нелёгкой.

– Что должен будет сделать покорный слуга?

– Вначале ты поедешь в Шеки, передашь письмо правителю Сиди Али. Затем изустно сообщишь ему, что если он желает и впредь оставаться свободным, то ему придётся объединить с Ширваном не только молитвы, но и совместные усилия.

– Слушаюсь и повинуюсь, повелитель!

– Затем, – продолжал ширваншах, – поедешь в Шабран, Губу и Дербент, где, встретившись с беками, повелишь им послать к концу весны воинов в мою ставку возле крепости Гала Бугурд. Заодно разузнаешь всё о деятельности мюридов из Ардебиля в тех краях. После этого выедешь за пределы Ширвана. Ты поедешь в Гянджу, где передашь моё следующее письмо

старейшинам города. Гянджа всегда была горящим пламенем нашего свободолюбивого народа. Его не смогли покорить ни персы, ни арабы, ни грузины, ни монголы. Покинув Гянджу, повернись на север, в Тифлис. Там встретишься с грузинским царём Багратам. Кроме письма передашь ему те же слова, что и правителю Шеки. Затем свернёшь на юг, пересекая Карабах, Гёкчинский магал и Иреван, доедешь до Нахчывана. По нашим сведениям, туда приближается армия Тимура. Нужно будет проникнуть в ставку Эмира, из рук в руки передать ему письмо, которое получишь там от наших людей. А из Нахчывана поедешь в Ардебиль. Аллах тебе в помощь!

– Его величество может быть в полной уверенности в точном и беспрекословном исполнении своих высочайших повелений, – бодро заявил кокандец.

– Будем надеяться, дай Аллах. Теперь расскажи мне всё об армии Тимура, о его державе, ничего не утаивая, ничего не преувеличивая, – велел шах.

В ответ Фергани рассказал всё, что знал о Тимуре, о его армии и завоеваниях, о внутреннем устройстве его державы, отношениях с соседями, союзниками, врагами и друзьями. Рассказывал Кенан честно и подробно обо всём, что видел и слышал за год службы в армии Эмира, не упуская даже незначительных деталей. Ширваншах остался доволен его сведениями. Глотнув чая, он печально произнёс:

– Тимур рано или поздно прибудет в наши края. Будет безумием сражаться против непобедимого льва. Поэтому нам остаётся покориться, и сохранить очаг в сохранности. Нам поручено беречь очаг Страны Огней. Мы должны объединиться в один кулак. Ведь мы, – вздохнув, продолжал Ибрагим, – единый народ, который говорит на одном языке, исповедует одну веру, чтит одинаковые традиции. Мы, проживающие на землях от Дербента на севере, до Зенджана на юге, от Иревана на западе, до берегов Хазара на востоке – единое сердце, которое враги растерзали на части и всё ещё продолжают терзать.

– Ваша цель – объединить Азербайджан? – осторожно спросил Кенан.

– Да, – задумчиво признался ширваншах, – Как была едина наша страна когда-то в древности. Но это невозможно без покровительства Тимура и без поддержки народа. Надо разбудить народ от спячки, в которую его ввергли манкурты.

– Уверен, что ваши великие замыслы непременно сбудутся.

– Иншаллах. Но есть силы, препятствующие нашим помыслам. Они живут не ради единого Азербайджана, а ради себя в разделённом, как клочья живого мяса и страждущем, как тяжелобольной, Азербайджане. Гиены и шакалы не могут жить без падали так же, как и беркут не сможет прожить в неволе. Но пока когти беркута не окрепли, он вынужден мириться с пиршеством гиен. Так и мы, посылая тебя в логово хищников, даём тебе три поручения. Первое: добейся союза с Сефевидами, предложив одну из наших дочерей в жёны Ходжа Али. Второе: задоблив мюридов подарками, выведай всё об их тайных сношениях с эмиссарами Тимура. Полагаем, что излишне напоминать о том, что, будучи нашими глазами и ушами в Ардебиле, ты будешь обязан соблюдать все предосторожности. Наконец, третье: в обмен на селение в Сальянах, добейся разрешения на освобождение хуруфитов, которых они держат в зиндане. Тебе что-нибудь известно о хуруфитах?

– Про хуруфитов слышал, но мне ещё не доводилось встречаться с ними.

– Значит, тебе предоставится и эта возможность. Большинство из суфиев этого братства родом из Ширвана и других областей Азербайджана. Среди них почитаем поэт Имадеддин Насими. Влияние хуруфитов растёт из года в год, оставляя в тени учение хальветийя. Они проповедуют идеи равенства и борьбы против иноземных поработителей. По этой причине народ присоединяется к ним. Они полезны тем, что подрывают пагубное влияние ардебильских шейхов.

– Ясно, повелитель.

– Прекрасно. Визири разъяснят тебе детали. У меня к тебе вопрос, как к учёному суфию. Чем полезна суфийская наука для пользы державы? Учёные проповедуют отвлечённые истины, мало соотносящиеся с реальностью. У каждого тариката своё учение, и рабу Аллаха зачастую бывает невозможно выбрать истину. Однако истин не может быть много, она всего одна-единственная.

– Человеческий разум несовершенен, поэтому не может достоверно разъяснить суть одного явления. Осмелюсь предположить, что в данном случае одно связано с другим. Практика немыслима без теории, как опыт без учёбы. Суфии ищут истину, ибо как верно выразилось его величество, истина всего одна. Вопрос не в предмете поиска, а в его пути. Что касается связи поисков истины с управлением, то учёные задают принципы и основы, на которых зиждется и само государство, и механизм его управления. Это четыре основы. Первое: избегать тирании. Когда шах правит, опираясь на справедливость закона и мудрость предков, прислушиваясь к голосу народа, тогда ему обеспечены покой и любовь подданных. В противном случае его правлению не избежать смуты. Второе: шах не должен душить торговлю и ремёсла налогами, а райятов – поборами, не доводить до нищеты тех, благодаря чьему труду процветает государство. Ибо свободный труженик, заинтересованный в результате своего труда, принесёт больше пользы, нежели раб, трясущийся от страха. Третье: надо больше производить своих товаров и меньше покупать иноземных. Четвёртое: чем больше будет образованных людей в государстве, тем сильнее оно станет.

– Дельные советы, – призадумавшись ответил шах, – Откуда эти мысли?

– Некоторые из них прочитаны мною в книге учёного Ибн Халдуна.

– Ты забыл главное: Учёный невежда гораздо хуже невежественного учёного.

Наутро Фергани получил породистого жеребца из шахской конюшни. Спустя час в сопровождении дюжины отборных джигитов с отличным вооружением, он выехал из города, и направился к склону Ниалдагского хребта, откуда дорога среди буковых лесов петляла на север, в сторону шекинских владений.

К вечеру следующего дня Кенан со спутниками достигли города Шеки. Шеки или древняя Сакасена была заложена две тысячи лет назад саками, вторгшимися в Албанию с севера. Город был расположен в предгорьях Большого Кавказа. Горные леса, окружавшие жемчужину Кавказа, предотвращали жару летом. В них росли бук, граб, орехи и фисташки. Город ласково, будто материнские руки обрамляли реки, протекающие со снежных вершин.

Шеки славился шелководством, соперничая в этом с Ширваном. Местные уста производили шебеке из мелких деревянных деталей, вставляемых друг в друга без клея и гвоздей. Город был полон гончарных мастерских (кархана). Но более всего Шеки был известен сладостями, венцом которых считалась знаменитая шекинская халва, приготовленная из рисовой муки в виде тонких нитей, щедро сдобренная орехом и специями и политая розовым маслом.

Шеки отличался от других городов Азербайджана и тем, что здесь проживало значительное число христиан. Их основную часть составляли потомки албанцев – удины, не принявшие ислама, сохранившие свою церковь. Постепенно эта церковь, как и древнеалбанский алфавит подпадали под влияние предприимчивых армян, оседавших тут со времён монголов. В Шеки и окрестных сёлах сохранилось немало христианских храмов, крупным из которых была церковь в селении Киш, история которой насчитывала четырнадцать веков. По преданию этот храм был заложен Елисеем, учеником апостола Фаддея. Кенан побывал внутри этого храма. Он был удивлён красотой образов на иконах, выглядевшими на них, как живые.

К северу от Шеки совместно с тюрками проживали грузины, многие из которых добровольно принимали ислам, дагестанские народы – авары, рутульцы и цахуры. Они жили в замкнутых, полунезависимых сельских общинах (джамаат). Таких, как Гах, Балакен, Джар, и занимались выращиванием фруктов, сеяли пшеницу и пасли скот. Их блюдо – хинкал, варё-

ные в мясном бульоне куски теста вместе пришлось Кенану по душе, и напомнили ему родные узбекские манты.

Шеки понравился Кенану, он с удовольствием прогуливался по его улочкам, поднимающимся в горы, наполненными запахами леса. Ему запомнилась крепость Гелерсен гёерсен, название которой говорило о свободолюбивом духе шекинцев. Кокандцу нравилось видеть на улицах красивые лица жизнерадостных жителей, которые славились тонким юмором. Потомков албанцев, смешанных с тюрками, отличали высокий рост, светлая кожа, серые глаза и величественное телосложение.

Жители города готовились к празднованию Новруза, который в Азербайджане не уступал по размаху среднеазиатскому. С каждого жилища, из распахнутых окон доносились ароматы азербайджанских сладостей – пахлавы, шекербуры, гоголов. Женщины раскрашивали в яркие цвета сваренные яйца, которые клали по краям подносов. Подносы наполняли орехами, фундуком, каштанами, изюмом, урюком, фисташками, миндалём и сухофруктами. В середину клали тарелку с проросшими зёрнами пшеницы – сямями, перевязанную красной лентой, наряду со сладостями являющейся одним из символом праздника весны.

Новруз Байрамы, в жизни как тюрк Туркестана, так и Азербайджана имело особое значение. Смысл праздника заключался в достатке, в плодородии природы, дарующей богатые урожаи. Его справляли за тысячи лет до ислама. Мракобесам не удалось уничтожить этот праздник. Ибо любовь к пробуждающейся жизни нельзя стереть из сердец. В этот праздник справляли свадьбы, мирились заклятые враги, люди ходили друг к другу в гости. Для всех жителей Азербайджана, независимо от языка и веры, Новруз был праздником надежды и благополучия.

Сам праздник приходился на день весеннего равноденствия, который издревле считался первым днём нового года. Ибо само слово «Навруз» с персидского языка переводится как «новый день». Однако подготовка к нему шла за месяц. В течение этого месяца каждый вторник недели был посвящён одной из четырёх природных стихий: ветру, огню, воде и земле, называвшиеся – чершенбе. Прибытие Кенана в Шеки совпало именно с днём од чершенбеси, со вторником огня. С наступлением сумерек во дворах и площадях были разожжены костры – тонгал, через которые с весёлым шумом и криками перепрыгивали молодые парни и девушки.

Миссия Кенана в Шеки увенчалась успехом. Он был ласково принят правителем Сиди Али Орлатом, потомком монголов. Кокандец преподнёс ему богатые дары ширваншаха, передал запечатанное письмо, и слово в слово повторил его послание. Сиди Али согласился с предложениями шаха. Таким образом, успешно завершив первое поручение, и отправив шаху письмо, Фергани тронулся в путь.

Преодолев высокие горы с крутыми перевалами, на которых всё ещё оставались снежные завалы, путники достигли Шабрана. Сделав остановку в Чыраг гала, они направились в Губу – живописное селение на берегу реки Кудиялчай. Селение было известно искусной обработкой дерева и сладкими яблоками. После Губы путники должны были пересечь лезгинские селения, раскинувшиеся на берегах реки Самур.

На пути от Шабрана до Дербента, а также в окрестностях Баку и Шемахи Кенану встречались многочисленные поселения татов – потомков персов, переселённых по приказу Сасанидских шахиншахов из Ирана для защиты северных границ. Таты были мирными, трудолюбивыми пахарями и умелыми ремесленниками, бережно хранящими традиции предков. В быту они разговаривали на персидском языке, но молодёжь предпочитала тюркскую речь, которая была языком общения народов Азербайджана. Таты, талыши, курды, евреи, авары, лезгины и другие народности Дагестана и Северного Кавказа общались между собой на тюркском языке.

Среди лезгин Кенану пришлось провести несколько дней, которые оставили в его душе приятный осадок. Упрямые, но гордые и честные, с обострённым чувством собственного достоинства, славящиеся великодушием и гостеприимством лезгины проживали бок о бок с

тюрьками, вместе деля хлеб и соль, радости и горе. Их племена табасаран, хыналыг, будух и грыз проживали в горных селениях, где на долгие месяцы прерывалась связь с внешним миром. В этих скудной почвой горах крестьяне умудрялись выращивать пшеницу и марену, из которой изготавливали краски для тканей. Суровый климат гор закалил потомков древних легов. Кокандцу понравились такие их блюда, как чудо, пирожки афар и хлеб цкан.

Фергани и здесь добился успеха, с честью выполнив очередное поручение шаха. Ему удалось склонить на сторону ширваншаха беков Губы и Шабрана и аксакалов лезгинских родов, которые согласились выставить ополчение и отправлять дань в Шемаху. Покинув лезгинские селения, путники устремились в Дербент.

Дербент – северная звезда Азербайджана, лежал у кромки Хазарского моря, прижавшись боками к горам. Его называли Железными Вратами. Ворота эти были действительно нерушимы: две каменные стены, спускавшиеся от гор к морю, как гигантские рукава дракона, удерживали натиск неприятелей.

Дербент, как и все города Азербайджана был многоязычным. Здесь проживали турки, таты, лезгины, дагестанские народы и евреи. Последние поселились тут ещё во времена пророка Соломона. Помимо них, в городе проживали также купцы из разных стран мира. От Новгорода до Египта и от Индостана до Гранады.

На склоне гор возвышалась мощная цитадель Нарын кала с ханским дворцом внутри. А в центре выделялась Джума мечеть – самая древняя в Азербайджане. Она была построена на месте древнего храма гуннов, в её дворе сохранились развалины ховуза (бассейна) для ритуальных омовений, которым пользовались в доисламские времена. Джума мечеть была духовным центром, откуда ислам распространялся по всему Дагестану и Северному Кавказу.

В городе был монетный двор, рынки, множество мечетей, медресе, лавок, бань и караван-сараев. В Дербенте, как и во многих городах Азербайджана и Востока в целом существовала развитые водопроводная и канализационная системы.

В Дербенте Кенану довелось встретиться с мюридами хуруфитов. Хуруфиты считали буквы арабского алфавита священными, считая, что в этих буквах и числах (абджад) скрыты тайны мироздания. Подобно гуманистам эпохи Ренессанса, они превозносили природу человека до божественной, повторяя крамольную фразу Мансура Халладжа – Ан-аль-Хакк (Я есть Бог). Признанными вождями хуруфитов считались Фазлуллах Наими, Шах Гасым Энвер и великий Насими.

С сожалением покинув Дербент, где удачно выполнил свою миссию, кокандец направился на запад Азербайджана. Кенан со путниками приплыл до Баку. Оттуда они направились на запад. Спустя неделю он добрался до ворот Гянджи. Однако добрался он туда один, ибо по пути с ними случилось несчастье.

По дороге, в двух фарсах к западу от Баку, в безводной степи на их караван напали разбойники, внезапно вынырнувшие будто джинны из ущелья пересохшей речки Джейранкечмез. Нечестивцы, одетые во всё чёрное, с закутанными шалями на лицах ограбили караван, безжалостно убив путников. Повезло лишь Кенану. Аллах пощадил его ударом тяжёлой дубины, которую нанёс ему по голове главарь шайки. От этого удара кокандец потерял сознание. Разбойники, подумав, что он мёртв не тронули ни посланника, ни его торбу. Когда он очнулся, было уже поздно. На земле валялись трупы коней, вокруг них лежали опустошённые торбы.

Кенану не оставалось ничего иного, как прочитать молитву джаназа над телами погибших, похоронить их здесь, затем продолжить путь пешком. Кенан переходил с одной лесистой горы на другую. В пути он питался дикорастущими фруктами и ягодами. Он провёл в пути несколько дней, пока не дошёл до реки Куры.

Степь зеленела весенними травами. Лиловые касатики, алые маки рассыпались по Муганской равнине. Солнце то грело ослепительными лучами, то пряталось за облака. По мере приближения к Гяндже дорога поднималась наверх.

Гянджа притаилась в тени горных отрогов, где земля была красной от обилия металлов в её недрах. Стены, выложенные обожжённым кирпичом, сияли рыжим светом в закатные часы, когда солнце клонилось за хребты Малого Кавказа.

Гянджинцы были народом умным, гостеприимным, смелым до безрассудства, отзывчивым, со свободололюбивым духом. Они достойно переносили невзгоды, не теряли надежду, стойкость духа. В мужестве их женщины не отставали от мужчин.

Почти два с половиной столетия тому назад страшное землетрясение сровняло город с землёй, перекрыло русло реки в горах, в результате чего в горах возникло озеро Гёйгёль. Трудолюбивые горожане вновь отстроили любимый город, который стал краше прежнего. Позже на месте прежних ворот, похищенных во время набега грузинского царя, были поставлены новые ворота, украшенные росписью.

На холмах, за городской стеной, стояли мавзолеи, где горели лампы, освещая путь. Среди них выделялись тюрьма Джомард Гассаба и могила Низами Гянджеви – великого азербайджанского поэта и мыслителя. В юности кокандец прочитал его «Хамсе», оставивший неизгладимый след в душе, и прививший любовь к поэзии.

В описываемую эпоху город Гянджа находился под властью Джаларидов, но местное население тяготело к шаху Ибрагиму, в чьём лице видело объединителя азербайджанских земель. Это сыграло положительную роль в успехе кокандца. Он получил согласие местных старейшин, их заверения в верности шаху. Более того, местные беки, узнав о беде, приключившимся с ним по дороге, живо снабдили его всем необходимым и дали добровольцев для сопровождения.

С новыми путниками кокандец проехал вдоль долины Куры, пересёк степи Джейранчель и Гараязы, покрытые коврами ранних маков. Кое-где одиноко, словно безмолвные стражи, высились эльдарские сосны. Также он увидел красоту горных водопадов Зайамчая, развалины замков Товуза и древнеалбанских монастырей в Борчалы, между которыми бежали стада газелей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.